

АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПРИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

МАХАТАЕВА АЙТОЛКЫН БАУРЖАНОВНА

Принцип языка уголовного судопроизводства: современное состояние и
перспективы развития

Диссертация на соискание степени магистра национальной безопасности и
военного дела по образовательной программе 7М12303 - «Правоохранительная
деятельность» (научно-педагогическое направление)

Научный руководитель:
Ешназаров Алмаз Алгазович -
заместитель директора Института
послевузовского образования,
к.ю.н.

г. Косшы, 2026 г.

РЕЗЮМЕ

Диссертационная работа посвящена теме «Принцип языка уголовного судопроизводства: современное состояние и перспективы развития». В исследовании рассматриваются правовая природа, содержание и значение принципа языка в уголовном процессе. Особое внимание уделяется анализу действующего законодательства Республики Казахстан в части регулирования языковых отношений в судопроизводстве.

В работе исследуются вопросы обеспечения использования государственного языка, а также гарантии применения других языков в уголовном процессе. На основе анализа правоприменительной практики выявляются актуальные проблемы реализации данного принципа и предлагаются пути их решения.

В результате исследования сформулированы предложения, направленные на совершенствование принципа языка уголовного судопроизводства и определены перспективы его дальнейшего развития.

ТҮЙІНДЕМЕ

Диссертациялық жұмыс «Қылмыстық сот ісін жүргізу тілінің қағидаты: қазіргі жағдайы және даму перспективалары» тақырыбына арналған. Зерттеу барысында қылмыстық процестегі тіл қағидатының құқықтық табиғаты, оның мазмұны мен маңызы қарастырылады. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының заңнамасындағы тілдік нормалардың қолданылу ерекшеліктері мен проблемалары талданады.

Жұмыста сот өндірісінде мемлекеттік тілдің рөлі, сондай-ақ басқа тілдерді қолдану кепілдіктері зерттеледі. Қазіргі кезеңдегі құқық қолдану тәжірибесі негізінде тіл қағидатын іске асырудағы өзекті мәселелер анықталып, оларды шешу жолдары ұсынылады.

Зерттеу нәтижесінде қылмыстық сот ісін жүргізу тілінің қағидатын жетілдіруге бағытталған нақты ұсыныстар мен даму перспективалары айқындалады.

SUMMARY

The dissertation is devoted to the topic “The Principle of Language in Criminal Proceedings: Current State and Prospects for Development.” The study examines the legal nature, content, and significance of the language principle in criminal procedure. Particular attention is paid to the analysis of the current legislation of the Republic of Kazakhstan regulating language use in judicial proceedings.

The research explores the role of the state language, as well as guarantees for the use of other languages in criminal proceedings. Based on the analysis of law enforcement practice, current issues in the implementation of this principle are identified, and possible solutions are proposed.

As a result of the study, specific recommendations aimed at improving the principle of language in criminal proceedings are developed, and перспективы for its further development are outlined.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	16
1.1 Понятие и сущность принципа языка в системе принципов уголовного процесса.....	16
1.2 Историческая ретроспектива формирования языкового принципа в уголовном судопроизводстве.....	28
1.3 Опыт зарубежных стран в использовании принципа языка уголовного судопроизводства.....	40
2. ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	46
2.1 Нормативно-правовое закрепление и процессуальное содержание принципа языка уголовного судопроизводства.....	46
2.2 Уголовно-процессуальный статус переводчика как гарантия реализации принципа языка судопроизводства.....	55
2.3 Реализация принципа языка на стадиях уголовного процесса и цифровая трансформация.....	69
2.4 Перспективы совершенствования реализации принципа языка в уголовном процессе Республики Казахстан.....	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	80
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	84
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	90

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

- РК – Республика Казахстан;
РФ – Российская Федерация;
РБ – Республика Беларусь;
ФРГ – Федеративная Республика Германия;
КР – Кыргызская Республика;
СССР – Союз Советских Социалистических Республик;
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика;
Казахская ССР – Казахская Советская Социалистическая Республика;
Конституция РК – Конституция Республики Казахстан;
УПК РК – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан;
ГПК РК – Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан;
КоАП РК – Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях;
АППК РК – Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан;
ВС РК – Верховный Суд Республики Казахстан;
ВКО – Восточно-Казахстанская область;
СМЭС – Специализированный межрайонный экономический суд;
ВДПЧ – Всеобщая декларация прав человека;
КПЧ – Комитет по правам человека;
КНР – Китайская Народная Республика;
МПГПП – Международный пакт о гражданских и политических правах;
ООН – Организация Объединенных Наций;
ЕАЭС – Евразийский Экономический Союз;
НПВС РК – Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан;
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе;
ИИ – Искусственный интеллект;
ДТП – Дорожно-транспортное происшествие;
ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития;
ЕРДР – Единый реестр досудебных расследований.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования. В условиях построения в Республике Казахстан правового государства и реализации курса на справедливое правосудие, защита конституционных прав граждан в уголовном процессе приобретает первостепенное значение. Среди фундаментальных основ уголовного судопроизводства принцип языка (ст. 30 УПК РК) занимает особое место, выступая гарантом реализации права на защиту, принципа состязательности и равенства всех перед законом и судом.

Диссертационное исследование посвящено комплексному анализу принципа языка судопроизводства и проблем участия переводчика в уголовном процессе Республики Казахстан. Актуальность выбранной темы обусловлена конституционными основами языковой политики государства, многонациональным составом населения страны, а также необходимостью обеспечения равного доступа к правосудию для всех участников уголовного судопроизводства.

В соответствии со статьей 9 новой Конституции Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года), государственным языком в Республике Казахстан является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наряду с казахским официально используется русский язык, при этом государство заботится о создании условий для изучения и развития языков единого народа Казахстана. Указанные конституционные положения отражают основные направления языковой политики государства и определяют правовые основы функционирования языков в сфере публичной власти, включая осуществление правосудия [1].

Также, согласно положениям новой Конституции, граждане Республики Казахстан, иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие или временно находящиеся на территории Республики Казахстан, не могут подвергаться дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам. Каждый человек имеет право пользоваться родным языком и культурой, свободно выбирать язык общения, воспитания, обучения, творчества [1]. Данные нормы закрепляют правовые основания языковой свободы личности и выступает проявлением принципа недопущения дискриминации по языковому признаку. В условиях многонационального и многоязычного состава населения Республики Казахстан это обуславливает необходимость особого правового регулирования порядка осуществления судопроизводства, направленного на обеспечение реального, а не формального равенства участников процесса.

Судебная деятельность как форма реализации государственной власти должна обеспечивать соблюдение прав и законных интересов лиц, участвующих

в уголовном процессе, в том числе не владеющих языком судопроизводства либо владеющих им в недостаточной степени. Данное требование приобретает особую значимость в контексте международных правовых норм, гарантирующих право каждого на понимание предъявленного обвинения и разъяснение причин задержания на понятном для него языке.

Принцип языка судопроизводства является одной из важнейших процессуальных гарантий защиты прав и свобод участников уголовного процесса. В соответствии со статьей 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее - УПК РК) уголовное судопроизводство осуществляется на казахском языке, при этом наряду с казахским официально используется русский язык, а в необходимых случаях - и другие языки. При наличии оснований для изменения языка судопроизводства орган, осуществляющий уголовное преследование, принимает соответствующее процессуальное решение с обязательным изложением мотивов (ч. 2 ст. 30 УПК РК).

Язык судопроизводства представляет собой один из основополагающих элементов судебной системы, от которого в значительной степени зависят ее организация, эффективность и легитимность. От соблюдения данного принципа зависит реализация конституционного положения о равенстве граждан перед судом независимо от их национальной принадлежности и языковой идентичности. Право каждого лица на понимание происходящего в суде и на участие в судебном разбирательстве на доступном языке закреплено в ряде международных правовых актов, признанных Республикой Казахстан.

Языковая ситуация в современной Республике Казахстан характеризуется высокой степенью многоязычия, что является следствием сложных исторических, политических и демографических процессов. Согласно данным последней переписи населения, на территории страны проживают представители 124 этнических групп, включая малочисленные народы, такие как удэгейцы, селькупы, чукчи, цахуры, мансийцы и другие. По состоянию на март 2025 года численность населения Республики Казахстан составила 20,2 млн человек, из которых казахи - 14,4 млн, русские - 2,96 млн, узбеки - 678 тыс., а также значительное количество украинцев, уйгуров, немцев, азербайджанцев, корейцев и представителей иных национальностей [2].

Современный этап развития Казахстана характеризуется расширением международных связей, миграционных процессов и активной интеграцией в мировое правовое пространство. Это влечет за собой участие в уголовном процессе лиц, не владеющих или недостаточно владеющих языком судопроизводства.

Современный этап развития правовой системы Республики Казахстан характеризуется масштабной модернизацией уголовно-процессуального законодательства, направленной на построение модели «справедливого правосудия» и укрепление конституционных гарантий прав личности. В этой системе принцип языка уголовного судопроизводства (ст. 30 УПК РК) выступает

не просто техническим условием ведения процесса, а фундаментальным инструментом обеспечения права на защиту, презумпции невиновности и состязательности сторон.

На фоне внедрения элементов ИИ в судебную систему Казахстана (например, для анализа ДТП или подготовки проектов постановлений) встает вопрос о допустимости машинного перевода юридических актов. Отсутствие законодательно закрепленных стандартов проверки точности ИИ-перевода создает риск нарушения прав участников процесса, не владеющих языком судопроизводства.

Таким образом, необходимость устранения нормативных пробелов в УПК РК, внедрение стандартов сертификации судебных переводчиков и выработка алгоритмов реализации языкового принципа в условиях «цифрового следствия» определяют высокую теоретическую и практическую значимость данной темы исследования.

Активное участие Республики Казахстан в международных интеграционных объединениях, в том числе в Евразийском экономическом союзе, а также расширение внешнеэкономических и гуманитарных связей способствуют росту миграционной активности и увеличению числа иностранных граждан, находящихся на территории государства. Так, только за первые месяцы 2025 года в Республику Казахстан въехали более 3,1 млн иностранных граждан, что превышает аналогичный показатель за тот же период 2024 года (2,98 млн) и свидетельствует о возрастающем интересе к Казахстану со стороны иностранных лиц [3].

Кроме того, в 2024 году на постоянное место жительства в Республику Казахстан прибыло свыше 29 тыс. человек, тогда как число выехавших составило около 12,7 тыс. Основной миграционный обмен осуществляется с государствами Содружества Независимых Государств, однако значительное количество мигрантов также прибывает из Китайской Народной Республики, Монголии и Турецкой Республики. Среди наиболее привлекательных регионов для проживания традиционно остаются город Алматы, Алматинская и Мангистауская области [4].

Параллельно с ростом миграционной активности наблюдается положительная динамика в сфере туризма. Согласно данным аналитической платформы «eQonaq», в январе 2025 года в системе учета туристов было зарегистрировано 487 582 физических и юридических лиц, в апреле - 330 107, в мае - 341 193. Основные туристические потоки сосредоточены в административных центрах, а также в южных и западных регионах страны, что свидетельствует о стабильно высоком интересе к туристическому потенциалу Республики Казахстан [5].

Одновременно с этим усиливаются меры государственного контроля в сфере миграции. По данным Министерства внутренних дел Республики Казахстан, в 2025 году количество иностранных граждан, выдворенных за пределы страны, составило 8 120 человек, что почти в два раза превышает

показатель 2024 года, когда было депортировано около 4 300 лиц. Вместе с тем за первые пять месяцев 2025 года было зафиксировано 285 преступлений, совершённых иностранными гражданами, что на 17 % меньше по сравнению с аналогичным периодом 2024 года (343 преступления). Данные показатели могут свидетельствовать об эффективности реализуемой миграционной политики и повышении уровня профилактики правонарушений [6].

В то же время, согласно сведениям Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в 2023 году иностранными гражданами было совершено 2 072 уголовных преступления, в том числе тяжких и особо тяжких. Наибольшее количество преступлений было зафиксировано среди граждан Узбекистана (822), Российской Федерации (439), Таджикистана (203), Кыргызстана (184) и Пакистана (144). По информации, озвученной председателем Комитета миграционной службы МВД Республики Казахстан, в 2024 году к административной ответственности было привлечено более 63 тыс. иностранных граждан, на которых наложены штрафы на общую сумму 1 млрд тенге [6].

Анализ региональной судебной статистики также свидетельствует о сохранении устойчивой динамики уголовного судопроизводства с участием иностранных граждан. Так, судами Восточно-Казахстанской области в 2022 году было рассмотрено 55 уголовных дел с участием иностранцев, в 2023 году - 85, а в 2024 году - 73, что подтверждает стабильно высокий уровень данной категории дел [7].

Указанные обстоятельства касаются не только иностранных граждан, но и отдельных категорий граждан Республики Казахстан, не владеющих в достаточной степени языком, на котором осуществляется судопроизводство. В данном контексте реализация принципа языка судопроизводства приобретает особую значимость, поскольку право на использование понятного языка суда непосредственно связано с соблюдением основополагающих прав личности, включая право на защиту, справедливое судебное разбирательство и равенство перед законом.

Качественный судебный перевод обеспечивает участникам уголовного процесса полноценное понимание сущности предъявленных обвинений и содержания процессуальных действий независимо от их гражданства, национальной принадлежности и уровня языковой компетенции. В связи с этим возрастает значение квалифицированного судебного перевода, который выступает ключевым фактором правовой защищённости участников процесса и эффективности правосудия в целом. В условиях увеличения числа уголовных дел с участием иностранных граждан возрастает потребность в профессиональных судебных переводчиках, способных обеспечить точность, полноту и непрерывность процессуальной коммуникации.

Таким образом, роль переводчика в уголовном процессе приобретает центральное значение в обеспечении права человека на справедливое судебное разбирательство. В данном случае переводчик выступает связующим звеном между языками и правовыми культурами, обеспечивая точность и прозрачность

судебной коммуникации. Ошибки перевода способны привести к искажению смысла процессуальных действий и, как следствие, к нарушению принципа справедливости, что придаёт деятельности переводчика особую правовую значимость.

В условиях роста числа правонарушений, совершаемых лицами, не владеющими либо недостаточно владеющими языком судопроизводства, актуализируется необходимость надлежащего обеспечения их процессуальных прав. В соответствии с УПК РК такие лица имеют право на перевод, что непосредственно связано с реализацией конституционного принципа языка судопроизводства. Однако в правоприменительной практике данный принцип сталкивается с рядом проблем, включая дефицит квалифицированных специалистов и недостаточную регламентацию их процессуального статуса и участия в уголовном процессе. Указанные обстоятельства негативно отражаются на качестве правосудия и обуславливают необходимость совершенствования правовых механизмов, регулирующих применение принципа языка судопроизводства и участие переводчика в уголовном процессе.

В настоящем диссертационном исследовании основной акцент сделан на анализе проблем, возникающих на судебной стадии уголовного процесса, однако предлагаемые изменения и выводы по своему содержанию охватывают также досудебные этапы уголовного судопроизводства.

Оценка современного состояния решаемой научной проблемы.

Теоретической основой настоящего диссертационного исследования послужили труды современных казахстанских, российских и зарубежных ученых, посвящённые проблемам реализации принципа языка судопроизводства, а также вопросам участия переводчика в уголовном процессе. Существенный вклад в разработку указанных проблем внесли исследования Е.П. Головинской, Г.Я. Имамутдиновой, Н.В. Софийчук, С.В. Швеца, И.А. Шевелева, Л.Л. Васильевой-Кардашевской, А.В. Гуськовой, Е.Г. Вьюшкиной, Ю.В. Ахметшиной, И.Б. Михайловской, А. Чунихи, Муричи Миртезы, А.Б. Раренко, Н.Н. Жороева, Е.М. Александровой, Н. Ковалева, О.В. Ермоленко, М. Гамзатова, В.Ю. Стельмаха, Н.Д. Дружининой и других исследователей, в трудах которых рассматриваются вопросы языковых гарантий, процессуального статуса переводчика и обеспечения права на справедливое судебное разбирательство.

Значительное внимание в научной литературе уделено историко-правовому анализу формирования и развития института судебного перевода. В данном аспекте особое значение имеют исследования С.З. Зиманова, И. Сариева, А.И. Добромыслова, И.И. Крафта, Р. Оразовой, Е. Стамшаловой, Г. Кенесбаевой, Н. Куантайұлы, М.К. Койгельдиева, З.Б. Мырзатаевой, Р.М. Мирзакуловой, Ғ. Әнеса, Т. Замзаевой, И. Прохоровой, Я.О. Новиковой и других ученых, чьи труды способствовали формированию теоретического понимания эволюции судебного перевода и языковой политики в сфере правосудия в историко-правовом контексте.

В сравнительно-правовом и международном аспекте важную роль сыграли исследования ученых ближнего и дальнего зарубежья, в том числе Jérôme Devaux, Mohammed Moundir Tria, Abdenaim Taleb, Carmen Bestué, Mireia Vargas-Urpí, Rose Kennedy, Lucja Biel, Matthew Dahl, Varun Magesh и других авторов, в работах которых анализируются модели правового регулирования судебного перевода, стандарты профессиональной деятельности переводчиков и особенности их участия в уголовном судопроизводстве различных государств.

Отдельный массив научных исследований посвящён проблемам юридического перевода, правовой терминологии и их роли в обеспечении принципа языка судопроизводства. В трудах Е.С. Сафуани, А. Смағұлова, М. Садықова, А. Жұмағали, Р.Ш. Забирова, К.Е. Абишева, В.Л. Темкиной, А.В. Антоновой, Е.М. Александровой, Г. Шимырбаевой, О.Г. Горбатенко, Неды Камех Хош, Х.С. Шагбановой, В.В. Степановой, А.В. Шилиной, А.Д. Урматовой, Г.С. Рыспаевой, И.А. Виноградовой, К.М. Левитана, А.А. Хуснутдиновой, Нама Д., С.П. Хижняка, Л.А. Борисовой, В.В. Сиреканяна, Н.К. Гарбовского, О.И. Костиковой, Mirac Suzgun, Daniel E., Н.Б. Абдурашитовой, Lilia Mironovschí, А. Шмидта, К.В. Дрица, А.В. Винникова, Н.Д. Голева, Л. Зайдмана, В.Н. Базылева, Л.Д. Захаровой и других исследователей переводчик рассматривается как значимый процессуальный субъект, от деятельности которого зависит реализация языковых прав участников уголовного судопроизводства.

Проблемы реализации принципа языка судопроизводства и роли переводчика также освещены в работах М.А. Джафаркулиева, Т.Ю. Вилкова, Я.М. Ишмухаметова, Г.В. Абшилавы, И.И. Буновой, Н.Ю. и М.В. Волосовых, Е.С. Шмелевой, В.В. Волколупова, А.А. Ларина, Л.Б. Обидиной, И.В. Щербининой, А.В. Винникова и С.П. Щербы, которые обосновывают необходимость повышения квалификации судебных переводчиков как важного условия обеспечения справедливого правосудия.

Нормативную базу исследования составили нормативные правовые акты Республики Казахстан и ряда зарубежных государств, регулирующие обеспечение языковых прав участников судопроизводства, участие судебных переводчиков и реализацию принципа языка судопроизводства. Также проанализированы международно-правовые акты, закрепляющие право на использование родного языка в судебных процедурах как гарантию справедливого судебного разбирательства.

В диссертационной работе рассмотрены положения следующих нормативных и программных документов Республики Казахстан: Конституции Республики Казахстан; Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан; Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан; Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях; Административного процедурно-процедурного кодекса Республики Казахстан; Уголовного кодекса Республики Казахстан; закона Республики Казахстан «О языках» и нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан,

а также Приказа Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 5 февраля 2025 года № 35 об утверждении профессионального стандарта «Переводчик».

Эмпирическую базу исследования образуют материалы судебной практики Республики Казахстан и зарубежных государств, а также результаты социологических и экспертных исследований, включая:

- социологическое исследование эффективности взаимодействия с переводчиками среди специалистов судебных органов Республики Казахстан;
- статистические данные портала Egov, архивные материалы государственных архивов;
- материалы редких фондов Национальной академической библиотеки Республики Казахстан и Национальной библиотеки Республики Казахстан.

Несмотря на наличие значительного количества научных публикаций, в Республике Казахстан до настоящего времени не проведено комплексных исследований, специально посвящённых анализу участия переводчика в уголовном судопроизводстве, включая стадию судебного разбирательства, в контексте реализации принципа языка судопроизводства. В этой связи при подготовке настоящей диссертационной работы были использованы публикации специалистов, осуществляющих практическую деятельность в системе правосудия, а также нормативные и аналитические материалы, включая научно-практические комментарии к Конституции Республики Казахстан, Уголовно-процессуальному кодексу, Гражданскому процессуальному кодексу и Кодексу Республики Казахстан об административных правонарушениях.

Особое значение для настоящего исследования имел труд «Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий» (Астана, 2018), подготовленный при участии Конституционного Совета, Министерства юстиции и Фонда Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, в котором подробно раскрываются конституционные гарантии языковых прав и принципы языковой политики государства. В то же время в отечественной правовой науке до настоящего времени отсутствует единая теоретическая концепция, всесторонне раскрывающая механизм реализации принципа языка судопроизводства и особенности участия переводчика в уголовном процессе, что и предопределяет актуальность и научную новизну настоящего диссертационного исследования [8].

В существующих исследованиях акцент делается в основном на общих аспектах прав граждан, не всегда детализируются вопросы, связанные с обеспечением языковых прав на различных стадиях уголовного процесса. В международной научной литературе данный аспект находит отражение в исследованиях, посвященных правам меньшинств, правам человека и процессуальным гарантиям. Анализ отечественных и зарубежных исследований поможет определить актуальные проблемы, связанные с использованием языка в уголовном судопроизводстве, и предложить конкретные направления их решения.

Целью исследования является комплексное изучение принципа языка уголовного судопроизводства, выявление существующих проблем в правоприменительной практике Республики Казахстан и формулирование предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в уголовном процессе Республики Казахстан.

Для достижения этой цели определены следующие задачи исследования:

- исследовать национальные и международные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы прав участников уголовного процесса в выборе языка;
- изучить судебно-следственную практику правоохранительных и судебных органов при использовании и применении принципа языка судопроизводства;
- исследовать вопрос интерпретации при переводе в уголовном судопроизводстве;
- разработать рекомендации и предложения по улучшению законодательства по реализации права на язык в уголовном процессе.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в ходе реализации принципа языка судопроизводства в уголовном процессе РК.

Предмет исследования составляют нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, регулирующие реализацию принципа языка судопроизводства, участие переводчика в уголовном процессе и обеспечение прав лиц, не владеющих либо недостаточно владеющих языком судопроизводства.

Методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучные и специальные методы научного познания, обеспечившие комплексный и системный подход к изучению реализации принципа языка судопроизводства и участия переводчика в уголовном процессе.

В работе применялись методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и диалектический методы. Их использование позволило проанализировать нормы действующего законодательства Республики Казахстан, судебную практику и международные правовые акты, а также выявить проблемные аспекты правоприменения.

Дополнительно использовались статистические и социологические методы, направленные на оценку динамики дел с участием лиц, не владеющих языком судопроизводства, и выявление практических трудностей при привлечении переводчиков. Метод правового моделирования применялся при разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном исследовании принципа языка уголовного судопроизводства как важнейшей гарантии реализации права на защиту и доступа к правосудию. В работе комплексно рассмотрены проблемы реализации настоящего принципа и предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства РК в

данном направлении. Обоснована необходимость согласования норм уголовно-процессуального законодательства и законодательства о языках с вновь принятой в текущем году Конституцией, а также уточнения положений о языке судопроизводства для устранения правовой неопределенности.

Выявлен пробел в УПК РК, связанный с отсутствием сроков письменного перевода судебных актов, и предложено предусмотреть возможность приостановления производства по делу на время, необходимое для качественного перевода процессуальных документов. Впервые предложено создание единого государственного реестра судебных переводчиков с определением требований к их квалификации, правам, обязанностям и ответственности, что направлено на повышение качество перевода и обеспечение права на защиту лиц, не владеющих языком судопроизводства. Кроме того, разработан практический методический инструмент - «Памятка принципа языка уголовного судопроизводства», предназначенный для дознавателей, следователей, прокуроров и судей в целях правильного применения статьи 30 УПК РК, предупреждения процессуальных нарушений и защиты языковых прав участников уголовного процесса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обоснована необходимость совершенствования уголовно-процессуального и языкового законодательства Республики Казахстан в части реализации принципа языка судопроизводства. В целях устранения правовой неопределённости и более полного обеспечения языковых прав участников процесса предложено уточнение положений статьи 30 УПК РК и статьи 13 Закона Республики Казахстан «О языках» путём исключения оценочных формулировок о «других языках» и закрепления ведения судопроизводства на казахском языке с официальным использованием русского языка, а также привести в соответствие с Конституцией Республики Казахстан, принятой на республиканском референдуме 15 марта 2026 года.

2. Установлено отсутствие в УПК РК норм, регламентирующих сроки письменного перевода судебных актов, что негативно отражается на реализации права на защиту и доступе к правосудию. В связи с этим предлагается дополнить статьи 404 и 444 УПК РК положениями, предусматривающими возможность приостановления производства по делу на определённый срок, необходимый для осуществления письменного перевода процессуальных документов, с учётом их объёма и сложности.

3. Предлагается законодательно закрепить создание и ведение единого государственного реестра судебных переводчиков в Республике Казахстан в целях обеспечения права на защиту и доступа к правосудию лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства. Формирование и администрирование реестра целесообразно возложить на уполномоченный государственный орган с установлением порядка включения, приостановления и исключения из реестра. Включению подлежат лица, соответствующие квалификационным требованиям, включая наличие образования, подтверждённой языковой компетенции и

владения юридической терминологией. Привлечение переводчиков к участию в уголовном процессе должно осуществляться преимущественно из числа лиц, включённых в реестр, за исключением объективных случаев. Необходимо также закрепить права, обязанности и ответственность судебного переводчика, включая требования к качеству и достоверности перевода, а также обеспечить доступность сведений реестра для судов и участников процесса с соблюдением законодательства о защите персональных данных. Реализация данного положения направлена на повышение качества судебного перевода и эффективности уголовного судопроизводства.

4. Разработан методологический инструмент - «Памятка принципа языка судопроизводства». Настоящая Памятка предназначена для систематизации подходов к соблюдению ст. 30 УПК РК с учетом положений Нормативного постановления Верховного Суда РК № 13 «О некоторых вопросах применения принципа языка судопроизводства» от 22 декабря 2016 года и Нормативного постановления Верховного Суда №4 «О судебном приговоре» от 20 апреля 2018 года. Данный инструмент обобщает основные положения реализации принципа языка уголовного судопроизводства и направлена на обеспечение точности и полноты перевода, защиту прав участников процесса, а также предупреждение процессуальных нарушений, влекущих отмену судебных актов в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 436 УПК РК. Памятка предназначена для дознавателей, следователей, прокуроров и судей.

Этапы исследования, ожидаемые результаты и предполагаемые направления их внедрения и апробации

1. Первый этап - анализ теоретических основ принципа языка уголовного судопроизводства, изучение международного и национального законодательства.

2. Второй этап - изучение зарубежного опыта и исследование национальной практики правоприменения, а также выявление проблем и барьеров в реализации принципа языка в уголовном процессе.

3. Третий этап - разработка рекомендаций и предложений по совершенствованию правоприменительной практики и законодательства, направленных на обеспечение права на язык в судопроизводстве.

Теоретическая значимость работы заключается в обобщении и развитии научных представлений о принципе языка уголовного судопроизводства как важной гарантии реализации процессуальных прав участников уголовного процесса. В исследовании рассмотрены вопросы совершенствования языкового регулирования в уголовном судопроизводстве, уточнены подходы к обеспечению единообразного применения данного принципа. Полученные результаты способствуют дальнейшему развитию теоретических основ уголовного процесса в части языковых гарантий.

Практическая значимость исследования выражается в разработке предложений, направленных на совершенствование механизма реализации принципа языка судопроизводства в правоприменительной деятельности.

Результаты работы ориентированы на устранение существующих пробелов и несогласованностей в регулировании языковых вопросов, повышение качества и своевременности перевода процессуальных документов, а также укрепление организационных основ участия переводчиков в уголовном процессе. Практическое значение имеет также разработанный методический подход, направленный на систематизацию применения принципа языка и предупреждение процессуальных нарушений в деятельности органов досудебного расследования и уголовного преследования и суда.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения, выводы и практические рекомендации диссертационной работы докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры, а также получили положительную оценку во время прохождения педагогической практики в Международном университете Астана и при прохождении стажировки в Генеральной прокуратуре РК по направлению от места учебы (Приложения 1,2).

Структура и объем диссертационного исследования.

Поставленные цели и определенные задачи обусловили структуру диссертации. Работа состоит из введения, двух разделов, семи подразделов, заключения, списка использованных при подготовке диссертации источников и приложений.

1 ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

1.1 Понятие и сущность принципа языка в системе принципов уголовного процесса

Конституционные императивы выступают в качестве фундаментальной гуманитарной основы, провозглашающей право каждого индивида на использование родного языка и суверенный выбор лингвистической среды для коммуникации и творческой самореализации. Согласно актам официального толкования норм Конституции, указанные права обладают статусом неотъемлемых прерогатив личности, не подлежащих ограничению, что налагает на государство позитивную обязанность по формированию условий для полноценного функционирования языков и устранению любых препятствий в их реализации. Правовой механизм данных гарантий находит свое отражение и развитие в нормах Закона Республики Казахстан «О языках», который структурирует языковую политику государства, адаптируя ее к специфике функционирования различных социальных институтов, включая сферу правосудия [9].

Процессуальная экстраполяция данных конституционных начал объективирована в статье 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, регламентирующей языковой режим уголовного судопроизводства. Данная норма, устанавливая приоритет государственного языка при сохранении возможности официального использования русского и других языков, выступает

практическим инструментом обеспечения лингвистической автономии участников процесса [10]. В условиях уникальной полиэтнической архитектуры казахстанского общества соблюдение языковых прав приобретает характер критически важного условия легитимности судебной власти. Международные стандарты и национальные правовые постулаты солидарны в том, что полноценное понимание существа предъявленного подозрения и аргументированное восприятие доказательственной базы возможны исключительно при условии преодоления коммуникативных барьеров.

Принцип языка судопроизводства, не затрагивая непосредственно материальную сущность доказательственного права, является инфраструктурным элементом, обеспечивающим реализацию принципа равенства всех перед законом и судом. Он функционирует как гарант состязательности, позволяя участникам процесса оперировать правовыми категориями на понятном им языке, что исключает возможность лингвистической дискриминации.

Для целей системно-структурного анализа статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан подлежит дифференциации на три концептуальные смысловые группы, определяющие вектор реализации языковой политики в уголовном процессе.

Первая группа охватывает вопросы нормативного установления и процедурного изменения языка производства. Законодатель постулирует приоритет государственного языка при сохранении паритетного статуса русского языка, а также вводит дискреционную возможность использования других языков (часть 1). Процессуальный механизм изменения языка дела делегирован органу, ведущему процесс, и сопряжен с требованием обязательной мотивировки в форме постановления (часть 2).

Вторая группа аккумулирует правовые гарантии участников процесса, для которых язык судопроизводства не является понятным. Здесь фиксируется императивная обязанность следствия и суда разъяснять право на использование родного языка и обеспечивать квалифицированную помощь переводчика (часть 3).

Третья группа регламентирует лингвистическое оформление материалов дела и процессуальных актов. Нормы частей 4 и 5 статьи 30 УПК РК устанавливают обязательность бесплатного перевода всех значимых документов, а также право участников на получение заверенных копий решений на языке, которым они владеют.

Особого критического осмысления требует лингвистическая конструкция частей 1 и 2 статьи 30 УПК РК в части словосочетаний «при необходимости – и другие языки» и «ведение дела на русском или других языках». Существующая редакция порождает глубокую правовую коллизию между нормативным предписанием и объективными возможностями правоприменителя [10].

Результаты проведенного сравнительно-правового анализа свидетельствуют о том, что в государствах с несколькими официальными языками сформирован устойчивый механизм обеспечения лингвистических прав, который, однако, не предполагает произвольной трансформации самого языка процесса по требованию сторон. Во всех изученных правовых системах приоритетным инструментом выступает институт профессионального перевода, позволяющий участникам излагать свою позицию на родном языке, не нарушая при этом институциональную целостность судопроизводства.

На фоне международного опыта ситуация в Республике Казахстан характеризуется определенной дуалистичностью. С одной стороны, национальное законодательство декларирует высокие стандарты защиты прав лиц, не владеющих языком процесса, гарантируя им возможность полноценного участия через переводчика. С другой стороны, существующая нормативная конструкция допускает юридическую возможность изменения языка судопроизводства на иностранный, что входит в противоречие с объективной реальностью.

Практическая деятельность судей и сотрудников правоохранительных органов в Казахстане основывается на использовании казахского и русского языков. Ведение судопроизводства на иных языках может существенно усложнить процесс, привести к дублированию документов и затруднить эффективное осуществление процессуальных действий.

В этой связи целесообразным представляется регулирование, при котором основными языками судопроизводства выступают казахский и русский. При этом права участников процесса, не владеющих этими языками, должны обеспечиваться посредством квалифицированного судебного перевода без изменения основного языка судопроизводства.

Анализ части 1 статьи 30 УПК РК позволяет констатировать избыточность формулировки «а при необходимости и другие языки». Опираясь на международный опыт, следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве юрисдикций судопроизводство осуществляется исключительно на языке, обладающем государственным статусом. Лингвистические права иноязычных сторон реализуются не через изменение системного языка процесса, а посредством института профессионального перевода. Исключение указанной фразы из национального законодательства позволит минимизировать риск процессуальных девиаций и укрепить стабильность судебной системы, сохраняя при этом конституционные гарантии.

В условиях глобализации и развития приграничного сотрудничества, совершенствование механизмов реализации принципа языка судопроизводства должно быть направлено на укрепление статуса государственного и официального языков при одновременном совершенствовании процедур судебного перевода. Это обеспечит баланс между интересами государства и правами личности, гарантируя доступность правосудия независимо от гражданства и языковой компетенции участников.

Реализация лингвистических прав участников уголовного процесса, закрепленная в части 3 статьи 30 УПК РК, представляет собой одну из наиболее сложных категорий правоприменения, требующую тонкого баланса между защитой прав личности и предотвращением процессуальных злоупотреблений. Законодатель гарантирует лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком производства, право на использование родного языка и помощь переводчика, однако практическое воплощение этой нормы сопряжено с необходимостью оценки субъективных факторов.

В нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан № 13 «О некоторых вопросах применения принципа языка судопроизводства» (пункт 6) дается развернутая характеристика категории лиц, нуждающихся в лингвистической поддержке. К ним отнесены субъекты, испытывающие затруднения не только в понимании устной речи, но и в свободном выражении мыслей, чтении текстов и формулировании ответов. Это подчеркивает, что знание языка на бытовом уровне не всегда эквивалентно способности полноценно участвовать в юридической коммуникации [11].

Такой подход позволит исключить формализм и гарантировать, что помощь переводчика будет предоставляться именно тем лицам, чьи права на справедливое разбирательство действительно ограничены лингвистическим барьером.

Действие принципа языка уголовного судопроизводства носит сквозной характер и распространяется на все стадии процесса, детерминируя правовую состоятельность следственных действий и судебных актов. Институциональная значимость данного принципа заключается в нивелировании лингвистических барьеров, препятствующих адекватному восприятию процессуальной реальности субъектами, вовлеченными в орбиту уголовной юстиции.

Эмпирический анализ судебной практики частного постановления по делу «А» в 2019 году демонстрирует недопустимость формального подхода к оценке языковой компетенции. Ситуация, при которой свидетель владеет государственным языком на бытовом уровне, но не обладает навыками академической или юридической грамотности, требует от органа, ведущего процесс, особой осмотрительности при фиксации показаний во избежание процессуальных девиаций [12].

Нормативное закрепление данного права в пункте 2 части 6 статьи 71, пунктах 12 и 13 части 9 статьи 64, а также в части 5 статьи 65 УПК РК, обязывает органы уголовного преследования предоставлять подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему возможность транслировать свои позиции на языке свободного владения. Реализация положений ст. 71 УПК РК в контексте реформ 2026 года означает, что любая попытка органа следствия навязать язык процесса против воли участника является существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Это подтверждает, что качество судебного перевода является неотъемлемым условием справедливости правосудия, гарантирующим защиту от дискриминации по языковому признаку.

Анализ лингвистических гарантий позволяет выявить существенную асимметрию в нормативном обеспечении прав различных субъектов. Сопоставление норм УПК РК с иными отраслевыми кодексами позволяет констатировать наличие существенной нормативной диспозитивности в вопросах обеспечения лингвистических прав участников судопроизводства. Несмотря на то, что право на использование родного языка является универсальной конституционной гарантией, его имплементация в статьях УПК РК носит фрагментарный характер, что создает риски для обеспечения объективности и транспарентности процесса.

Таблица 1. Права субъектов на использование родного языка в рамках Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан

Субъекты процесса	Дача показаний на родном языке / языке владения	Пользование бесплатной помощью переводчика
Статья 64. Подозреваемый	+	+
Статья 65. Обвиняемый	+	+
Статья 65 (ч. 6). Подсудимый	+	+
Статья 71. Потерпевший	+	+
Статья 72. Частный обвинитель	+	+
Статья 73. Гражданский истец	+	+
Статья 74. Гражданский ответчик	+	+
Статья 78. Свидетель	+	+
Статья 65-1. Свидетель, имеющий право на защиту	+	+
Статья 80. Специалист	–	+
Статья 79. Эксперт	+	+
Статья 82. Понятой	–	–

Особое внимание в рамках исследования заслуживает правовой статус специалиста. Согласно пунктам 9 и 10 части 3 статьи 80 УПК РК, специалист наделен правом на содействие переводчика и возможностью инициировать процедуру его отвода. Однако законодатель опустил принципиально важное правомочие - возможность излагать суждения, давать пояснения и заключения на языке, которым данный субъект владеет свободно.

В этой связи уголовно-процессуальный регламент вступает в коллизию с нормами статьи 34 Административного процедурно-процессуального кодекса (АППК РК), где лингвистическая автономия специалиста закреплена выразительно. Данное расхождение неоправданно, так как природа специальных знаний требует максимальной точности вербального выражения, достижение которой на неродном языке может быть затруднено.

Аналогичный правовой вакуум наблюдается в регламентации статуса гражданского ответчика. Статья 74 УПК РК, определяющая объем прав данного

лица, не содержит императивных предписаний о праве на лингвистическое сопровождение. Учитывая материально-правовой интерес гражданского ответчика и потенциальное бремя возмещения вреда, отсутствие закрепленного права на дачу объяснений на понятном ему языке ограничивает возможности защиты имущественных прав, что диссонирует с общими принципами уголовного процесса.

Таблица 2. Сравнительный анализ языковых прав отдельных участников в различных кодексах Республики Казахстан

Субъект / Кодекс	Право давать пояснения на родном языке (УПК РК)	Право на помощь переводчика (УПК РК)	Право на родной язык в КоАП / АППК РК	Право на использование родного языка в ГПК РК
Специалист	Отсутствует (ст. 80)	Закреплено (ст. 80)	Закреплено (ст. 34 АППК)	Закреплено (ст. 77 ГПК) - имеет право давать пояснения на языке владения.
Гражданский ответчик	Отсутствует (ст. 74)	Отсутствует (ст. 74)	Закреплено (ст. 753 КоАП)	Закреплено (ст. 14, 47 ГПК) - как полноправная сторона процесса (Ответчик).
Понятой	Отсутствует (ст. 82)	Отсутствует (ст. 82)	Отсутствует (ст. 757 КоАП)	Не предусмотрен (в ГПК РК институт понятых отсутствует, функции фиксации возложены на техсредства и протокол).

Таким образом, отсутствие взаимосвязанности между общими принципами языка судопроизводства и частными нормами, регулирующими статус специалиста, гражданского ответчика и понятого, указывает на необходимость унификации законодательства. Обеспечение лингвистических прав данных лиц должно быть не факультативным следствием усмотрения правоприменителя, а императивным требованием процессуального закона, что позволит минимизировать риски оспаривания доказательств по формальным основаниям и укрепит доверие к правосудию в многоязычной среде.

Таблица 3. Сравнительный анализ прав специалиста и понятого на использование родного языка и получение помощи переводчика в УПК РК, ГПК РК, КоАП РК и АППК РК

Параметры сравнения	УПК РК (ст. 80, 82)	КоАП РК (ст. 755, 756)	АППК РК (ст. 34)	ГПК РК (ст. 77)
Субъект анализа	Специалист / Понятой	Специалист / Понятой	Специалист	Специалист

Параметры сравнения	УПК РК (ст. 80, 82)	КоАП РК (ст. 755, 756)	АППК РК (ст. 34)	ГПК РК (ст. 77)
Право на использование родного языка	– / –	– / –	+	–
Право на помощь переводчика	+ / –	+ / –	+	+

Примечание: знак «+» означает наличие прямой нормы, «–» – отсутствие прямого закрепления в профильной статье.

В уголовном и административно-деликтном процессах наблюдается парадоксальная ситуация: специалист имеет право на переводчика (чтобы понимать других), но лишен выраженного права излагать свои профессиональные суждения на родном языке (чтобы другие точно понимали его).

Понятой остается наиболее «незащищенным» в лингвистическом аспекте субъектом. Ни в УПК РК, ни в КоАП РК для него не предусмотрено ни право на использование родного языка, ни право на помощь переводчика. Это фундаментальная проблема: лицо, призванное удостоверить законность действий государственного органа, само может не понимать смысла этих действий из-за языкового барьера.

Отсутствие унификации в указанных статьях свидетельствует о том, что принцип языка судопроизводства зачастую воспринимается законодателем лишь как право сторон (истца/ответчика, подозреваемого/потерпевшего), в то время как иные участники, чьи показания и действия формируют доказательственную базу, остаются в зоне правовой неопределенности. Представляется необходимым реформирование статьи 80 и 82 УПК РК по модели статьи 34 АППК РК, что обеспечит системное единство лингвистического режима во всех видах судопроизводства [13].

Сравнительно-правовой анализ процессуального законодательства Республики Казахстан выявляет существенную диспозитивность в регулировании языковых прав участников судопроизводства. В то время как УПК РК и КоАП РК содержат лишь фрагментарные упоминания о лингвистических гарантиях для специалистов и понятых, АППК РК в статье 34 демонстрирует наиболее полную и последовательную модель реализации принципа языка.

Однако такой паллиативный подход не заменяет необходимости системного реформирования УПК РК. В условиях многоязычного общества, где языковая ситуация детерминирована как историческими факторами советского периода, так и современными демографическими процессами, правовая определенность в языковом вопросе становится залогом общественной стабильности.

Как подчеркнул Глава государства К.К. Токаев на сессии Ассамблеи народа Казахстана, недопустима любая дискриминация по языковому признаку, при этом овладение государственным языком должно оставаться приоритетом и

актом гражданского патриотизма. В контексте правосудия это означает, что государство должно обеспечить каждому участнику, вне зависимости от его роли (будь то гражданский ответчик или понятой), возможность полноценного понимания и выражения мысли на доступном ему языке [14]. Конкретизация языковых прав данных субъектов в уголовном процессе позволит устранить правовой вакуум и обеспечит соответствие национального законодательства международным стандартам справедливого разбирательства.

Гармонизация норм УПК РК с прогрессивными положениями АППК РК является необходимым шагом для укрепления доверия граждан к судебной системе и обеспечения подлинного равенства в многонациональном правовом пространстве Казахстана.

Реализация языковой политики в сфере судопроизводства неразрывно связана с соблюдением общепризнанных норм международного права, которые, согласно Конституции Республики Казахстан, являются составной частью национальной правовой системы. В этом контексте принцип языка судопроизводства трансформируется в субстантивную гарантию обеспечения равного доступа к правосудию для всех категорий граждан, включая лиц с ограниченными возможностями.

В уголовно-процессуальном аспекте данные гарантии конкретизируются через обязательное участие защитника в случаях, когда лицо не владеет языком судопроизводства (п. 4 ч. 1 ст. 67 УПК РК), и предоставление услуг переводчика, включая сурдопереводчиков, на бесплатной основе (ч. 3 ст. 30 УПК РК). Это обеспечивает реализацию конституционного запрета на дискриминацию по языковому признаку (ч. 2 ст. 16 Конституции РК) и гарантирует полноценное ознакомление с материалами дела [1].

Однако на практике сохраняется ряд барьеров. Одной из ключевых проблем является слабая адаптация жестового языка к государственному (казахскому) языку. Дефицит специалистов, владеющих казахским вариантом жестового языка, приводит к многоступенчатому переводу (с казахского на русский, затем на жестовый), что существенно повышает риск когнитивного искажения смысла в ходе юридического взаимодействия. Системные трудности иллюстрирует случай А. Черченко из Уральска, который в течение длительного времени безуспешно пытается оспорить в судах качество реабилитационной техники. Прекращение уголовных дел при наличии подтвержденных нарушений указывает на потребность в более гибких и адаптированных судебных процедурах для граждан с особыми потребностями [15].

В контексте совершенствования уголовно-процессуального регулирования особую актуальность приобретает вопрос нормативного обеспечения допроса лиц с сенсорными нарушениями. Несмотря на наличие общей нормы в части 3 статьи 30 УПК РК о приглашении специалиста, сам механизм допроса в статье 370 УПК РК не содержит императивного требования об обязательном участии специалиста при допросе свидетелей с особыми потребностями и фиксации данного факта в протоколе. Примечательно, что исторический опыт, в частности

статья 143 УПК РСФСР 1922 года, уже содержал аналогичные детальные требования [16]. Возврат к подобной практике и дополнение статьи 370 УПК РК соответствующими положениями о специалистах жестового языка и шрифта Брайля позволит устранить существующие пробелы и обеспечить достоверность доказательственной базы.

Заключительная смысловая группа норм, детерминирующих содержание принципа языка судопроизводства, сосредоточена на механизме лингвистического оформления материалов дела и процессуальной документации. Согласно частям 4 и 5 статьи 30 УПК РК, участникам процесса гарантируется безвозмездный перевод всего массива материалов дела и хода судебного разбирательства на язык судопроизводства. Коррелятивно этому праву закреплена обязанность органов, осуществляющих уголовное преследование, вручать иноязычным участникам заверенные копии ключевых документов на понятном им языке, что выступает субстантивной гарантией справедливого судебного разбирательства.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что несоблюдение требований УПК РК в части лингвистического обеспечения неизбежно влечет за собой признание действий органов уголовного преследования нелегитимными. Характерным примером является уголовное дело в отношении лица «Ж», рассмотренное судом города Астаны проверить ссылку в 2021 году. В ходе разбирательства по ходатайству адвокатов было установлено, что права подсудимого при ознакомлении с материалами дела были грубо нарушены: значительная часть документации, включая протоколы допросов, не имела перевода с государственного языка, которым подсудимый владел недостаточно. Руководствуясь статьей 323 УПК РК, суд обоснованно возвратил дело прокурору, квалифицировав отсутствие перевода как существенное нарушение, препятствующее назначению главного судебного разбирательства [17].

Особую сложность представляют случаи, требующие узкоспециализированных лингвистических знаний, что иллюстрирует пример уголовного дела в отношении гражданина «Ж» по части 3 статьи 345 УК РК. В данном процессе потерпевший «Г» владел исключительно казахским письмом на основе алфавита «төте жазу». Несмотря на формальное привлечение переводчика, последний не обладал документом, подтверждающим квалификацию в данной системе письма. Более того, следственные органы допустили подписание потерпевшим протоколов на современном казахском алфавите, который он не понимал, а медицинское заключение и вовсе не было адаптировано. Отсутствие в материалах дела документов, подтверждающих правильность перевода, послужило основанием для возврата дела прокурору в соответствии со статьями 323 УПК РК для устранения допущенных процессуальных девиаций [18].

Кроме того, вопрос языка судопроизводства связан не только с правовыми, но и с организационно-экономическими аспектами уголовного процесса. Повышение эффективности использования ресурсов требует обеспечения

надлежащего качества досудебного расследования и предотвращения ситуаций, связанных с возвратом уголовных дел из-за формальных нарушений языковых требований.

На практике реализация гарантии бесплатного перевода иногда сопровождается избыточным объемом переводимых материалов, включая документы, не имеющие существенного значения для существа дела. Это приводит к дополнительной нагрузке на переводческие службы и не всегда соответствует реальным потребностям участников процесса, для которых ключевое значение имеют процессуальные акты, непосредственно затрагивающие их права и интересы.

Несмотря на то что данное исследование сфокусировано на уголовном судопроизводстве, межотраслевой анализ в контексте реализации языковых прав представляется необходимым, так как фундаментальные принципы в уголовной и гражданской юрисдикциях имеют единую конституционную основу.

Практика гражданского судопроизводства демонстрирует прецеденты, обнажающие серьезную правовую неопределенность. Так, в 2024-2025 годах судебная коллегия по гражданским делам суда города Астаны рассматривала частную жалобу на определение межрайонного суда об отклонении апелляционной жалобы. Основанием для отклонения послужило то, что жалоба была подана на русском языке, в то время как процесс велся на казахском. Представитель истца обоснованно указал на статью 407 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан (ГПК РК), содержащую исчерпывающий перечень требований к апелляционной жалобе, в котором отсутствует обязательство соблюдения языка производства. Ограничение права на обжалование по лингвистическому признаку было расценено как нарушение статьи 9 Гражданского кодекса РК [19]. Данный казус подтверждает, что отсутствие четких механизмов адаптации языка документов может привести к ущемлению конституционных прав участников, что актуально и для уголовного процесса.

Критическим аспектом, требующим нормативного регулирования, является вопрос сроков перевода судебных актов. Действующее законодательство (УПК, ГПК, КоАП, АППК) устанавливает жесткие временные рамки для подготовки и вручения документов в окончательной форме, однако полностью игнорирует временной ресурс, необходимый для их качественного перевода.

В уголовном процессе, согласно статье 404 УПК РК, копия приговора должна быть вручена сторонам не позднее 5 суток (при большом объеме - 15 суток) после провозглашения. Статья 444 УПК РК обязывает направлять копии апелляционных актов не позднее 10 суток. В гражданском процессе (ст. 234 ГПК РК) срок выдачи решения составляет всего 3 рабочих дня со дня вынесения в окончательной форме [20]. Аналогичные сжатые сроки установлены в статье 823 КоАП (3 суток).

Проблема заключается в том, что процессуальное время выделяется только на интеллектуальную работу судьи по изготовлению акта, но не на его

лингвистическую трансформацию. В ситуациях, когда итоговый документ (например, приговор по многоэпизодному делу) составляет 30 и более страниц, переводчик оказывается в условиях жесткого дефицита времени. Приближение установленного законом срока вручения принуждает специалиста работать в экстренном режиме, что неизбежно ведет к снижению качества юридического перевода и возникновению риска семантических искажений судебного акта.

Отсутствие в четырех ключевых кодексах (УПК, ГПК, КоАП, АПК) специальных сроков на судебный перевод создает институциональную коллизию: судья обеспокоен соблюдением сроков вручения, а переводчик лишен возможности обеспечить точность текста. Представляется научно обоснованным внедрение в процессуальное законодательство нормы, предусматривающей автоматическое продление срока вручения судебного акта на время, объективно необходимое для его перевода (например, из расчета норматива страниц в день), что обеспечит соблюдение прав участников на получение качественного и понятного документа.

Нормативная конструкция статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан императивно обязывает органы, ведущие процесс, вручать участникам документы на языке судопроизводства с обязательным приложением заверенной копии на языке, выбранном этими лицами. Однако отсутствие в законе детерминированных сроков для осуществления такого перевода создает предпосылки для снижения качества итоговых юридических текстов. В условиях, когда переводчик вынужден работать в рамках процессуальных сроков, отведенных исключительно для судьи, риск семантических искажений и терминологических неточностей в приговорах и постановлениях возрастает многократно.

Данная проблема носит общеправовой характер и актуальна для всех видов судопроизводства. Представляется научно обоснованным внедрение четких временных регламентов для подготовки письменных переводов судебных актов. Это потребует внесения синхронных изменений в целый массив законодательства: в статью 404 и часть 2 статьи 444 УПК РК, статью 234 ГПК РК, а также в часть 2 статьи 823 КоАП РК. Установление легального срока на перевод позволит не только повысить правовую определенность, но и гарантировать участникам получение аутентичного текста судебного решения, что является неотъемлемым элементом справедливого правосудия.

Статья 151 АПК РК предусматривает сроки изготовления судебного решения, однако не содержит специальных положений, регламентирующих сроки, необходимых для осуществления письменного перевода судебных актов. Вместе с тем частью 2 указанной статьи установлено, что в исключительных случаях с учетом сложности административного дела решение суда может быть изготовлено не позднее одного месяца со дня окончания устного разбирательства. Несмотря на отсутствие прямого указания на перевод процессуальных документов, данная норма фактически допускает возможность учета обстоятельств, связанных со сложностью подготовки судебного акта,

включая необходимость его качественного письменного перевода. В этом аспекте положения АППК представляются более гибкими по сравнению с иными процессуальными кодексами Республики Казахстан, поскольку позволяют косвенно учитывать временные затраты, обусловленные обеспечением языковых прав участников процесса и необходимостью соблюдения принципа доступности правосудия.

Обеспечение качественного перевода материалов и документации выступает фундаментом процессуального равенства, позволяя лицам, не владеющим государственным языком, полноценно участвовать в доказывании и защите своих прав. Резюмируя проведенный анализ, можно констатировать, что статья 30 УПК РК аккумулирует в себе три ключевых субпринципа:

- четкая регламентация порядка установления и изменения языка производства по делу;
- безусловное обеспечение лингвистических прав всех категорий участников, включая лиц с ограниченными возможностями;
- гарантированное предоставление квалифицированного перевода материалов дела и процессуальных актов.

Каждый из этих элементов направлен на достижение транспарентности и доступности правосудия. Предлагаемые в работе изменения в статью 30 УПК РК и корреспондирующие ей нормы других кодексов призваны устранить существующий разрыв между нормативной декларацией и практической реализацией языковых прав. Гармонизация законодательства в этой сфере станет действенной гарантией того, что лингвистические особенности участников не станут преградой на пути к справедливому судебному разбирательству и эффективной защите прав граждан в Республике Казахстан.

Сущность принципа языка в системе принципов уголовного процесса заключается в обеспечении реального, а не формального доступа к правосудию через призму конституционных гарантий 2026 года, где право участника транслировать свою позицию на языке свободного владения признается неотъемлемым элементом права на защиту и справедливое судебное разбирательство.

Принцип языка уголовного судопроизводства представляет собой фундаментальное начало процесса, обеспечивающее реализацию права человека на понимание сути выдвинутых обвинений и полноценное участие в процессуальных действиях. Сущность данного принципа заключается не только в формальном выборе государственного языка, но и в обеспечении фактического равенства сторон, исключении дискриминации по языковому признаку и создании условий для реализации права на защиту. Являясь гарантией справедливого судебного разбирательства, языковой принцип находится в неразрывной связи с принципами состязательности, гласности и презумпции невиновности.

Данный принцип выступает фундаментом для реализации законности и равенства всех перед законом, преобразуя языковую среду из технического

параметра следствия в гарант достоверности доказательств и исключения любых искажений смысла, при которых субъективное ощущение уверенности человека в точности выражения своих мыслей превалирует над его этнической принадлежностью или официальным статусом языка.

Таким образом, в современной системе права принцип языка интегрирован как обязательное условие легитимности всего уголовного судопроизводства, нарушение которого влечет безусловное признание полученных результатов недействительными.

1.2 Историческая ретроспектива формирования языкового принципа в уголовном судопроизводстве

Общетеоретическое исследование процесса развития судопроизводства в исторической ретроспективе имеет фундаментальную значимость для осмысления современной правовой системы Казахстана. Эволюция принципов уголовного процесса в стране представляет собой сложный синтез традиционных форм казахского права, дореволюционных реформ и советского наследия [21].

История становления принципа языка судопроизводства отражает путь от устных традиций Казахского ханства до кодифицированных современных норм. В эпоху ханства правосудие базировалось на обычном праве (адат), где ключевыми фигурами выступали судьи-бии. Судопроизводство носило преимущественно устный характер и осуществлялось на родном языке населения. Бии не просто разрешали споры, но и выступали гарантами понимания сути процесса каждой из сторон, выполняя функции посредников в передаче юридически значимой информации.

Казахстанские исследователи, в частности К.Ж. Капсалямов, анализируя своды законов «Жеті жарғы» и «Билер ережесі», подчеркивают, что суд биев опирался на стройную систему принципов, во многом предвосхитивших современные стандарты. Руководствуясь родным языком и обычаями, бии обеспечивали доступность правосудия для степного общества. В этом контексте современная статья 30 УПК РК, закрепляющая принцип ведения процесса на понятном языке, является логическим продолжением исторической традиции обеспечения лингвистической доступности.

Становление языковых норм в праве невозможно рассматривать в отрыве от динамики билингвизма. Исследователь З.К. Ахметжанова [22], выделяет четыре ключевых этапа, детерминировавших современную языковую ситуацию:

- формирование лингвистической основы казахского этноса и первых межэтнических контактов;
- начало активного взаимодействия с Российской империей, приведшее к появлению русского языка в административно-правовой сфере;
- эпоха доминирования русского языка как универсального инструмента межнационального общения и языка официального делопроизводства;

- конституционное закрепление статуса казахского языка как государственного при сохранении официального статуса русского языка.

Данная периодизация, хотя и носит лингвистический характер, позволяет проследить трансформацию правового регулирования языковой политики. Анализ функционирования языка судопроизводства, начиная с реформ конца XVIII и XIX веков, через советские кодификации XX века и до современного этапа независимости, демонстрирует неизменную значимость судебного перевода. Деятельность переводчика в этой системе координат эволюционировала от стихийного посредничества к строго регламентированному процессуальному институту, обеспечивающему баланс между государственными интересами и правами личности.

Первый этап развития языка судопроизводства (конец XVIII – начало XX века) связан с включением казахских земель в правовое пространство Российской империи и постепенным распространением русского языка в судебной системе. В этот период использовались сложные схемы перевода, что нередко снижало точность процессуальной коммуникации.

После судебной реформы 1864 года началось более системное регулирование деятельности переводчиков, а к концу XIX века их статус был закреплён на официальном уровне в судебной системе. При этом доступ местного населения к полноценному участию в судопроизводстве оставался ограниченным.

После Адайского восстания 1870 года имперская власть приступила к реформированию судов. С 1886 года в Туркестанском крае и с 1891 года в Семиреченской области начала функционировать трехзвенная модель «народного суда». Традиционные суды биев постепенно упразднялись, уступая место «народным судьям» и «судьям кочевого общества». Примечательно, что Положение о новых судах составлялось на казахском языке с последующим переводом на русский [23].

Профессор Университета Хоккайдо Уямо Томокихо отмечает существенную деталь реформ: тяжкие уголовные преступления, а также споры между казахами и представителями других этносов изымались из ведения народных судов и передавались в ведение общеимперских («русских») судов. Несмотря на наличие штатных переводчиков, лингвистические гарантии часто носили декларативный характер [24].

Язык судопроизводства в имперских судах оставался чуждым для большинства населения, что делало судебную систему инструментом контроля, а не защиты интересов народа. Роль переводчика была критически важной, но он часто оставался единственным звеном, соединявшим подсудимого с непонятным ему миром имперского закона.

Таблица 4. Штатная численность переводчиков в судебных органах степных областей (по правилам от 2 июня 1898 г.)

Орган / Область	Штатная единица	Класс чина	Примечание
Окружной суд	1 переводчик	13 класс	Татарский и калмыцкий языки
Волостной суд	1 переводчик	-	Обеспечение нужд кочевого населения

Трагические страницы истории, включая массовые репрессии первой половины XX века, о которых упоминал Президент Казахстана, во многом стали возможны в условиях, когда судебная система работала без учета реальных прав личности, а формальное наличие переводчика не могло остановить несправедливость. Таким образом, штаты 1898 года заложили профессиональную основу службы судебного перевода, но политический контекст того времени препятствовал полной реализации принципа языка как гарантии защиты прав человека.

Деятели движения Алаш - Ахмет Байтурсынулы, Алихан Бокейхан, Мыржакып Дулатов и Шакарим Кудайбердиев - доказали, что казахский язык способен быть языком науки и официального документооборота. Тем не менее, языковой барьер часто становился инструментом угнетения.

Примеры процессуальных девиаций и злоупотреблений:

Мыржакып Дулатов описывал случай, когда судья неверно расслышал слово свидетеля и заставил переводчика подтвердить ложную версию, что привело к незаконному аресту [25].

Русские суды часто использовались для сведения счетов, так как судьи из-за незнания языка не могли отличить правду от лжи.

В специализированной литературе того времени («Судебная часть») отсутствовали нормы о порядке вступления переводчика в дело и разъяснении ему прав [26].

Политические репрессии первой половины XX века, искалечившие судьбы сотен тысяч казахстанцев, часто сопровождались вопиющей неграмотностью следствия. Старший прокурор Генеральной прокуратуры РК Т. Нурпеисов в статье «Жазықсыз жабылған жала» (1998) анализирует дело Ораза Жандосова. Показательным примером «качества» перевода и следствия является интерпретация фразы М. Дулатова: «*Сегіз қырлы, бір сырлы болу керек*». Вместо понимания ее как призыва к многогранному развитию личности, следователь перевел ее как: «Быть в мыслях националистом, а на деле иметь восьмигранное лицо» [27]. Такие лингвистические подлоги становились основанием для смертных приговоров.

Исторический путь принципа языка в Казахстане - это борьба за точность смысла. От первых профессиональных окладов переводчиков 1898 года до трагических искажений 1930-х годов - история учит, что без четкого регламента (аналогичного ст. 30 УПК РК) переводчик может превратиться из гаранта прав в инструмент репрессий.

Исторические свидетельства начала XX века подтверждают, что языковой барьер в судебной системе часто становился катализатором правовых трагедий или, напротив, эмоциональным инструментом спасения.

В сентябре 1906 года Саратовская судебная палата в Оренбурге рассматривала дело А. Уркимбаева и Д. Кудабаева. Конфликт возник из-за фонетического сходства слов: свидетель произнес казахское «арақ» (водка), которое судья воспринял как русское «дурак». Несмотря на попытки переводчика Б. Токтабаева прояснить ситуацию, судья счел это оскорблением и приговорил Уркимбаева к тюремному заключению. Этот случай - классический пример того, как когнитивное искажение и отсутствие должной квалификации переводчика (или нежелание судьи прислушаться к нему) приводят к неправосудным актам [28].

Контрастным примером служит дело П. Тажкенуглы и Б. Сұлтануглы, рассмотренное в 1915 году в Самаре. Благодаря эмоциональной вовлеченности и профессионализму переводчика, который смог передать отчаяние обвиняемых казахов, не знавших русского языка, суд оправдал подсудимых [29].

Анализ архивных фондов Алматинской области (фонд 408, опись 1) за период с 1879 по 1965 годы выявил системные сбои в лингвистическом обеспечении правосудия:

- процессы часто проводились без фактического участия переводчика, даже если он был предусмотрен штатом;

- функции переводчика нередко возлагались на случайных лиц, не владеющих юридической терминологией, что искажало смысл показаний и приводило к ошибочным приговорам;

- особо остро проблемы с переводом проявились в делах 1930-х годов (например, уголовное дело №69 по закону от 7 августа 1932 года), где скорость производства и политические установки исключали возможность обеспечения качественной защиты через перевод [30].

Двуязычное судопроизводство, формально начатое в 1921 году по указу С. Садуакасова, фактически оставалось заложником политической конъюнктуры. Язык из инструмента правосудия превращался в инструмент социального контроля и подавления сопротивления.

Анализ представленных архивных материалов (Уголовное дело №69 в отношении «И., Д., К. и Б.») позволяет наглядно реконструировать системные нарушения принципа языка судопроизводства в ранний советский период [31].

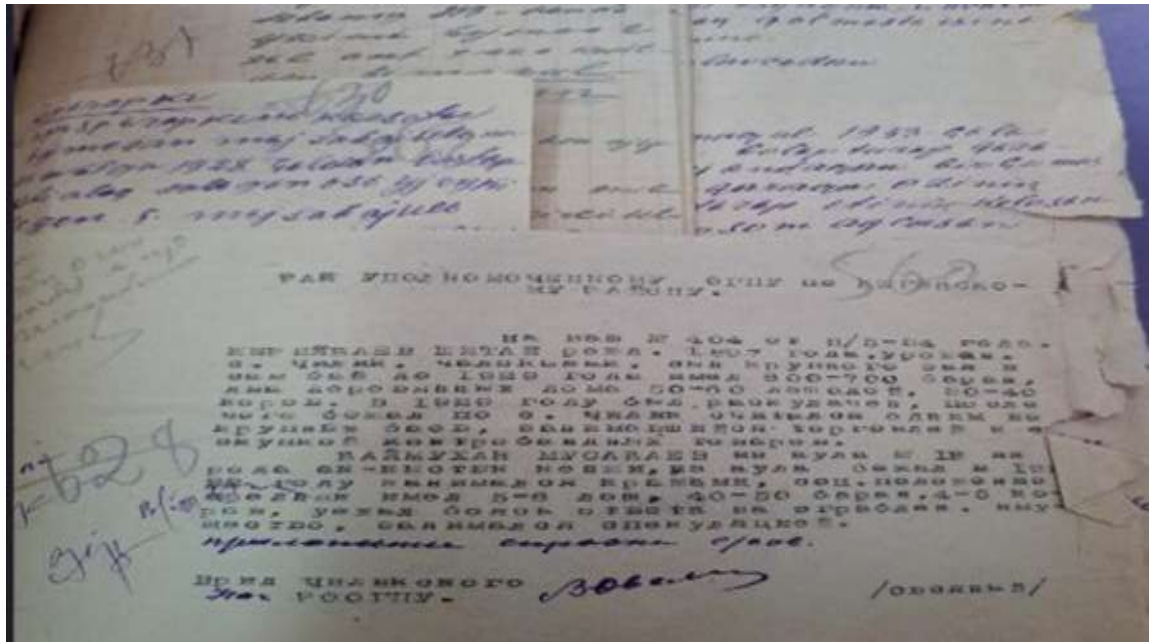

Рисунок 1 – Уголовное дело №69 обвиняемых «И., Д., К. и Б.» (начало XX века, архивный источник)

Изучение документов (см. рисунок 1) показывает, что официальное обвинение и основные процессуальные акты составлены исключительно на русском языке. При этом показания свидетелей (см. рисунок 2) зафиксированы на латинском и арабском алфавитах.

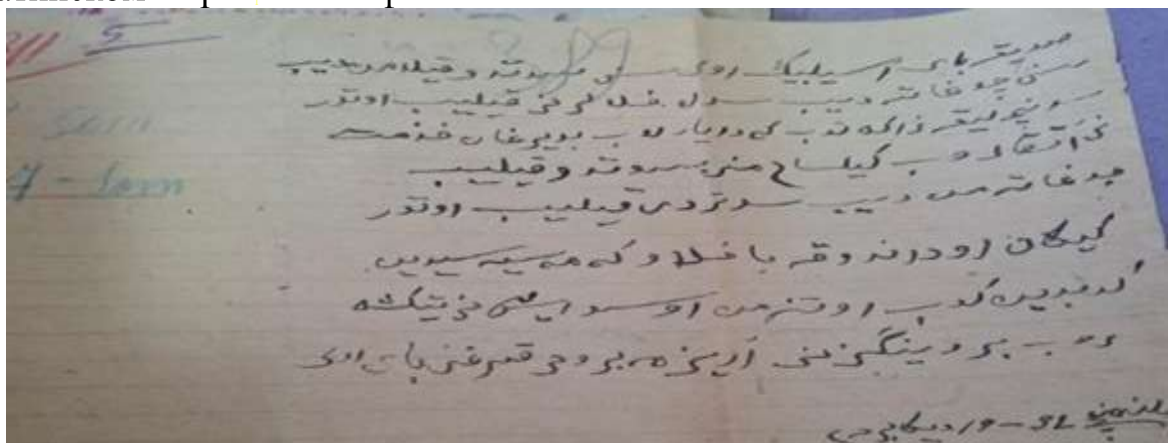

Рисунок 2 – Уголовное дело №69 обвиняемых «И., Д., К. и Б.».
Показания свидетелей (начало XX века, архивный источник)

Критически важным является тот факт, что в материалах дела отсутствуют какие-либо сведения о привлечении переводчика. Сопоставление этих документов свидетельствует о том, что органы следствия и суда фактически игнорировали лингвистический барьер: обвинение предъявлялось на одном языке, в то время как доказательственная база формировалась на других языках без надлежащей процессуальной трансформации. В таких условиях подсудимые были лишены возможности понимать существо обвинения, а суд не мог

объективно оценить достоверность свидетельских показаний, зафиксированных арабской графикой или латиницей.

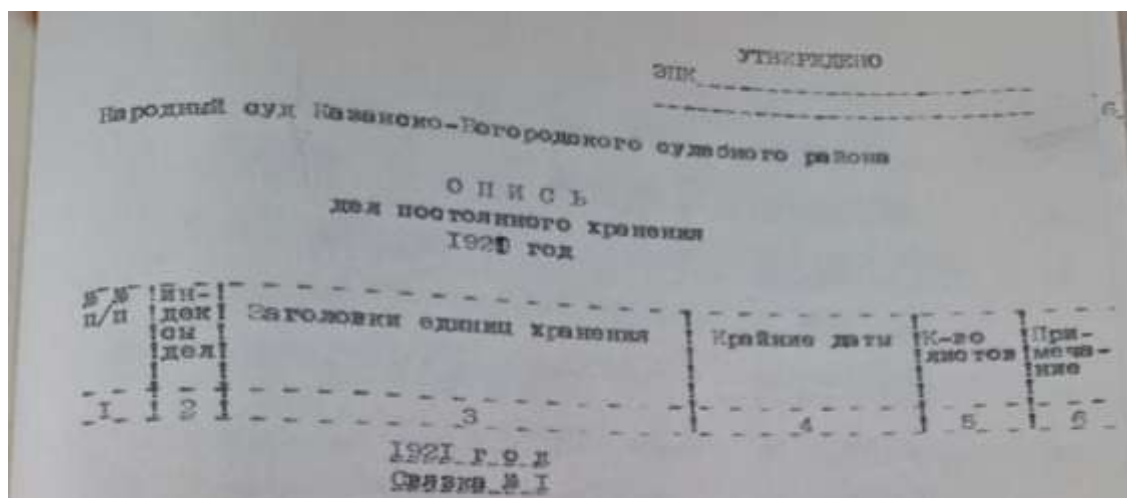

Рисунок 3 – Дело о расторжении брака, 1920 г.

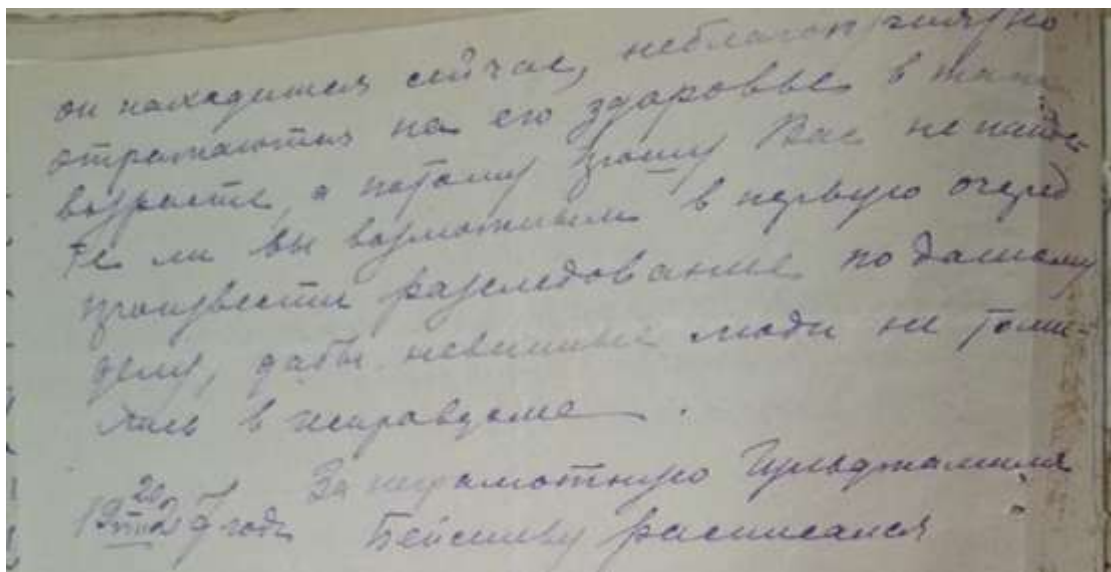
Несмотря на то что фокусом исследования является уголовный процесс, материалы гражданского судопроизводства того периода дополняют общую картину правоприменения. В описи дел постоянного хранения Народного суда Казанско-Богородского судебного района за 1920 год (связка №1) содержатся дела о расторжении брака (см. рисунок 3) [32].

Анализ этих документов в совокупности с уголовными делами позволяет сделать вывод о фрагментарности и непоследовательности реализации языковой политики в первые годы советской власти. Даже в делах, затрагивающих фундаментальные права личности (брачно-семейные отношения или уголовную ответственность), лингвистическая доступность правосудия не была обеспечена должным образом.

Использование в одном деле сразу трех графических систем (кириллицы, латиницы и арабского письма) при отсутствии документально зафиксированного участия переводчика подтверждает, что в 1920-х и 1930-х годах принцип языка судопроизводства часто носил декларативный характер. Это создавало благодатную почву для судебных ошибок и репрессивного уклона в работе народных судов, где формальная фиксация показаний на языке свидетеля не гарантировала их правильного понимания судьей, работавшим с русскоязычным протоколом.

Анализ представленных архивных документов позволяет выявить системный характер нарушений принципа языка судопроизводства в послереволюционный период и в 1920-е годы.

В гражданских делах этого периода отчетная документация судов не содержала отдельной графы для фиксации участия переводчика. Несмотря на то что штатное расписание каждой волости предусматривало должность переводчика, фактически в процессах между казахоязычными сторонами,

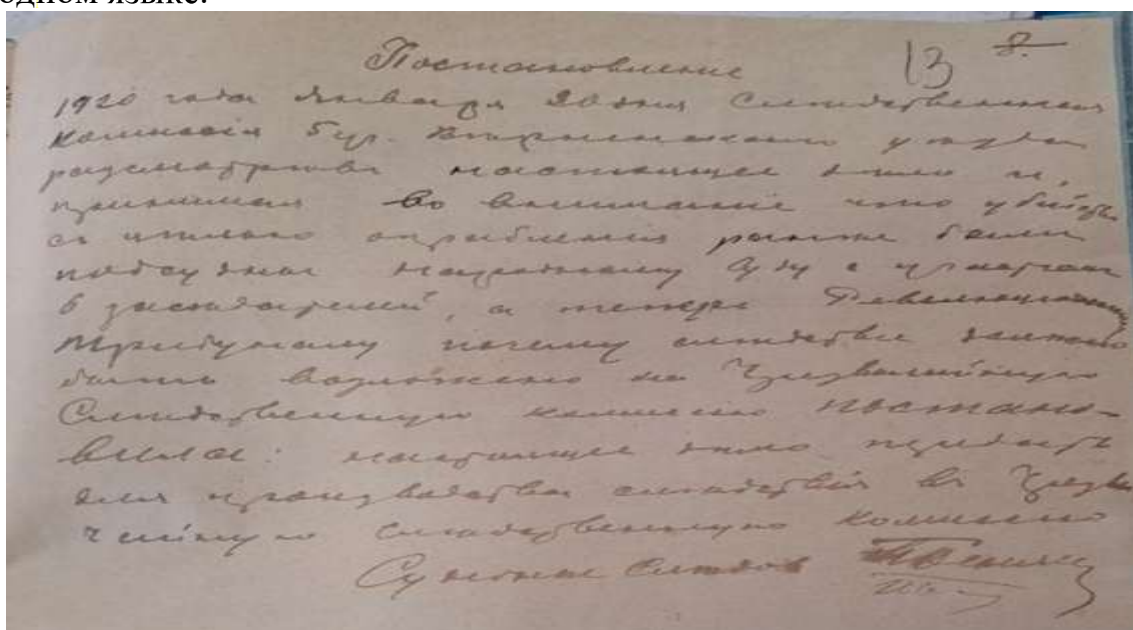

он находится сейчас, неблаготворно
отражающийся на его здоровье. В этом
выражении, а также тому, как не найдено
там ни в каких документах в первую очередь
указаний на расследование по данному
делу, дабы избежать ошибок не только
там в изложении.

1920 года Заключено Приказом
Безымянный расследует

Рисунок 6 – Подпись свидетеля (жены) обвиняемого «Д» в уголовном деле № 525 (начало XX века, архивный источник)

Дело Семиреченского областного революционного трибунала по обвинению «Б., К.Б., Т.Т. и У» в убийстве «Д.К.» (фонд 348, опись 1, дело 764) иллюстрирует «односторонний» характер лингвистического обеспечения. Материалы дела велись исключительно на русском языке (см. рисунок 7) [33]. Несмотря на то что показания свидетелей фиксировались арабским письмом (төте жазу), следствие ограничивалось лишь их переводом на русский язык для нужд следователя. Обратный процесс - перевод постановлений и обвинительных актов на язык, понятный обвиняемым - полностью отсутствовал. В деле нет даже процессуального документа (постановления), который бы регламентировал участие переводчика или необходимость ознакомления фигурантов с текстом на их родном языке.

Постановление 13 8

1920 года Арбитраж Советов Семипалатинской
Комиссии Бур. Инженерского уезда
рассмотрев материалы дела и,
принимая во внимание что убитый
считался обвиняемым в том же деле
по делу о нападении 24 и 25 марта
в уездном, а также в Семипалатинском
Мундучном наемном суде в том же
деле возбудило на Семипалатинском
Семипалатинском Комиссии постановле-
ние: назначить в том же деле
для производства следствия в уезде
и в том же Семипалатинском Комиссии
Судом Семипалатинским

Рисунок 7 – Постановление следователя по уголовному делу, составленное на русском языке (1918 год)

Язык судопроизводства в этот период выступал не только юридической категорией, но и инструментом политического доминирования. Отсутствие перевода или его частичный характер в материалах дел 1930-х годов являются прямым доказательством нарушения принципов справедливости, что сегодня служит основанием для массовой реабилитации жертв политических репрессий.

Важным этапом развития языковых прав в советский период стало расширение категории лиц, нуждающихся в лингвистической помощи. Положения УПК распространялись не только на участников, не владеющих языком производства, но и на лиц, использующих жестовый язык. Это свидетельствует о раннем формировании инклюзивных правовых механизмов доступа к правосудию через специализированный перевод.

Процессуальная регламентация участия переводчика была детальной: в протоколах фиксировалось разъяснение прав и ответственности за заведомо неправильный перевод. Переводчик обязан был подписывать каждую страницу и протокол в целом, в то время как обвиняемый своей подписью подтверждал соответствие устного перевода его показаниям. При письменном переводе документов подписи сторон также проставлялись на каждой странице, что служило гарантией аутентичности текста.

Для глубокого понимания специфики реализации языкового принципа перед обретением независимости проведен сравнительный анализ двух ключевых кодексов Казахской ССР.

Данный сравнительный анализ показывает, что несмотря на различные цели производств, механизмы защиты языковых прав в КазССР были унифицированы. Это создало прочную базу для дальнейшего реформирования правовой системы уже независимого Казахстана, где принцип языка судопроизводства трансформировался из социалистической декларации в действенную гарантию прав человека, закрепленную в современных ст. 30 УПК РК и ст. 14 ГПК РК.

Ниже представлен детализированный сравнительный анализ положений УПК и ГПК Казахской ССР. Данное сопоставление позволяет проследить унификацию подходов к языковым гарантиям в советский период развития правовой системы Казахстана.

Таблица 5. Анализ ст. 11 УПК КазССР и ст. 8 ГПК КазССР по ключевым аспектам

Сравнительные параметры	Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР (1959 г.)	Гражданский процессуальный кодекс Казахской ССР (1963 г.)
Нормативное основание	Утвержден законом от 22 июля 1959 года. Утратил силу 13.12.1997 г. Статья 11.	Утвержден законом от 28 декабря 1963 года. Утратил силу 13.07.1999 г. Статья 8.

Сравнительные параметры	Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР (1959 г.)	Гражданский процессуальный кодекс Казахской ССР (1963 г.)
Язык судопроизводства	На казахском или русском языках, либо на языке большинства населения данной местности.	На казахском или русском языках, либо на языке большинства населения данной местности.
Процессуальные права сторон	Обеспечивается право делать заявления, давать показания, заявлять ходатайства, выступать в суде на родном языке и пользоваться услугами переводчика.	Обеспечивается право делать заявления, давать объяснения и показания, выступать в суде и заявлять ходатайства на родном языке, а также пользоваться услугами переводчика.
Обязательный перевод документов	Следственные и судебные документы вручаются обвиняемому в переводе на его родной язык или иной язык, которым он владеет.	Судебные документы вручаются лицам, участвующим в деле, в переводе на их родной язык или на другой язык, которым они владеют.

Несмотря на утрату силы, нормы статей 11 УПК и 8 ГПК КазССР заложили фундамент для современных формулировок статьи 30 УПК РК и статьи 14 ГПК РК. Основное отличие современной системы от советской заключается в четком закреплении статуса казахского языка как государственного, в то время как советские кодексы де-факто поддерживали паритет при доминировании русского языка в официальном документообороте.

Ключевое различие заключалось в фокусе защиты: если УПК КазССР выстраивал систему гарантий вокруг фигуры обвиняемого (акцентируя внимание на переводе обвинительного заключения и разъяснении сути обвинения), то ГПК КазССР обеспечивал равный лингвистический доступ для всех участников спора, реализуя принцип процессуального равенства сторон.

Важным индикатором профессионализации института судебного перевода является изменение механизмов оплаты труда. Анализ норм 1960, 1997 и 2014 годов демонстрирует переход от общих советских положений к специализированной модели вознаграждения, учитывающей квалификацию и объем работы специалиста.

Трансформация системы оплаты труда от «общественного долга» к «профессиональной услуге» подтверждает тезис о том, что качественный перевод невозможен без должной материальной мотивации. Это напрямую влияет на реализацию статьи 30 УПК РК, так как эффективная защита прав участников процесса на понятном им языке требует привлечения высококвалифицированных кадров.

Первоначальный порядок оплаты труда переводчиков был установлен Постановлением Кабинета Министров Республики Казахстан от 25 февраля 1992 года № 152 [34], распространявшимся как на уголовное, так и на гражданское судопроизводство. Дополнительные нормы регулирования были введены Постановлением КМ РК от 17 августа 1992 года № 685, которым для внештатных

переводчиков, привлекаемых к представительским мероприятиям, устанавливалась дневная ставка – 300 тенге. Однако данный акт регулировал исключительно деятельность переводчиков в дипломатических и протокольных контекстах, не охватывая судебную или процессуальную сферу.

С переходом на национальную валюту нормативные положения об оплате труда были адаптированы Постановлением Правительства РК от 30 ноября 1998 года № 1209, предусматривающим пересмотр ставок и суточных для привлеченных специалистов [35]. Существенные изменения произошли в 2013 году: Постановлением Правительства РК от 14 февраля 2013 года № 131 [36] были уточнены механизмы оплаты труда специалистов и переводчиков, привлекаемых государственными органами.

В 2014 году для сферы уголовного судопроизводства был установлен специальный порядок: в соответствии с Постановлением Правительства РК от 9 октября 2014 года № 1070 [37], вознаграждение переводчикам начисляется исходя из одного месячного расчетного показателя (МРП) за каждый час выполненной работы.

Нормы о языке уголовного судопроизводства традиционно закреплялись в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Как самостоятельный принцип, язык уголовного судопроизводства впервые был закреплен в статье 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года. Помимо этого, статьи 42, 44, 47 и 56 УПК РК закрепляют права участников уголовного судопроизводства - как со стороны обвинения, так и со стороны защиты - включая возможность давать показания на родном языке либо на другом языке, которым они владеют, а также право на бесплатные услуги переводчика.

Таким образом, судебное делопроизводство, учитывающее многонациональный состав населения Республики Казахстан, осуществляется на казахском и русском языках, что способствует обеспечению равного доступа граждан к правосудию вне зависимости от их языковой принадлежности.

В 2014 году принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, в котором статья 30 вновь подчеркивает значение языковой доступности. На основании данной нормы, уголовное разбирательство допускается на казахском, русском и других языках. При этом участникам процесса обеспечивается возможность использовать родной язык, а также получать помощь переводчика. Указанные положения направлены на повышение качества правосудия и на усиление правовой защиты граждан, что является важным шагом в направлении построения инклюзивной и справедливой судебной системы.

В новом Гражданском процессуальном кодексе Республики Казахстан от 31 октября 2015 года язык судопроизводства определяется статьей 14: оно ведется на государственном языке, а при необходимости - также на русском языке для обеспечения прав сторон. Вопрос языка рассмотрения дел затрагивается не только в ГПК, но и в других нормативных актах. Так, в утратившем силу КоАП

2001 года он регулировался статьей 21, а участие переводчика - статьей 598. В действующем Кодексе об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года языковые вопросы отражены в статье 75 (ответственность за нарушение законодательства о языках), статье 738 (язык судопроизводства) и статье 758 (участие переводчика).

Таким образом, в различных кодексах Казахстана подчеркивается важность соблюдения языковых прав участников процесса и обеспечения возможности использования как казахского, так и русского языков.

Так, пункт 3 статьи 30 УПК 2014 года закрепляет право участников, не владеющих языком судопроизводства, пользоваться родным или иным понятным языком и получать бесплатную помощь переводчика.

Поправки, внесенные в 2022 году, усилили защиту прав участников на перевод и использование родного языка: было установлено право на обжалование судебных решений на понятном для лица языке, а также предусмотрено участие сурдопереводчика для лиц с нарушениями слуха. Эти дополнения направлены на комплексную защиту языковых прав участников уголовного процесса.

С 25 июля 2024 года вступили в силу «Правила выплаты сумм экспертам, специалистам и переводчикам», утвержденные Постановлением Правительства РК № 601 [38]. Документ регулирует порядок оплаты в гражданском судопроизводстве и содержит прямую отсылку к Постановлению № 1070 от 2014 года (п. 9), что обеспечивает преемственность и унификацию подходов к оплате труда переводчиков. До вступления в силу Постановления № 601, в качестве основного нормативного акта для гражданских дел продолжало применяться Постановление КМ РК от 25 февраля 1992 года № 152 [34]. Таким образом, в течение более чем 30 лет вопросы оплаты в гражданском судопроизводстве формально оставались в рамках регулирования, установленного еще в начале 1990-х годов.

На сегодняшний день в республике сформирована централизованная и правовая сбалансированная система вознаграждения переводчиков, основанная на нормативных правовых актах различного уровня. С целью установления единообразной практики было принято Нормативное постановление Верховного Суда РК «О некоторых вопросах применения принципа языка судопроизводства» от 22 декабря 2016 года № 13, где определяются ключевые принципы использования языков в суде.

Основная цель языковой политики состоит в обеспечении функционирования государственного языка как фактора национального единства при сохранении языков всех этнических групп Казахстана. Как отмечает председатель Союза судей Республики Казахстан Амир Д.С., развитие судебной системы немыслимо без качественного использования казахского языка, что является стратегической необходимостью для укрепления правовых основ страны [39].

Важным вектором развития является Концепция развития языковой политики РК на 2023–2029 годы [40], утвержденная 6 октября 2023 года. Документ ставит амбициозные задачи:

- довести долю населения, владеющего казахским языком, до 84 % (с 81 % в 2023 г.);
- подготовить 50 % госслужащих с уровнем В2 по «Казтесту» (против 35 %);
- обеспечить 94 % документооборота на казахском языке в государственных органах.

Историческая ретроспектива свидетельствует о постепенном переходе от моноязычных моделей судопроизводства, служивших инструментом государственного доминирования, к инклюзивным стандартам. Формирование принципа в международном праве (Нюрнбергский процесс, конвенции ООН и Совета Европы) закрепило обязательство государства обеспечивать бесплатную помощь переводчика как неотъемлемый элемент права на защиту. Эволюция национальных систем (на примере России и стран СНГ) отражает трансформацию от всеобщего владения языком межнационального общения к необходимости защиты прав мигрантов и лиц, не владеющих государственным языком, в условиях суверенитета.

Таким образом, наблюдается устойчивая тенденция роста как общего числа рассмотренных дел, так и доли производств, проведенных на государственном языке. Это может свидетельствовать не только о росте судебной активности, но и об усилении роли государственного языка в судебной практике. Несмотря на то, что по делам АППК сохраняется наименьшая доля использования казахского языка, именно в этой категории прослеживается наиболее интенсивная положительная динамика.

Историческая эволюция языкового принципа в уголовном судопроизводстве Казахстана представляет собой закономерный переход от дуализма обычного права биев и имперской колониальной юстиции к современному стандарту 2026 года. Пройдя через советский этап формального интернационализма, где национальные языки зачастую вытеснялись административной централизацией, и период становления независимости, сфокусированный на поиске баланса между государственным и официально употребляемым языками, правовая система пришла к признанию приоритета субъективного фактора над формально-этническим. В современных реалиях сущность этого принципа заключается в безусловном праве каждого участника процесса транслировать свою позицию на языке свободного владения, что трансформирует языковую среду из технического условия следствия в фундаментальный гарант справедливого правосудия и легитимности всех процессуальных актов.

1.3 Опыт зарубежных стран в использовании принципа языка уголовного судопроизводства

Профессия переводчика в судопроизводстве имеет глубокие исторические корни и остается неотъемлемой частью механизма обеспечения справедливого правосудия. Как подчеркивается в научной литературе, судебный переводчик играет ключевую роль в преодолении языковых барьеров, обеспечивая полноценное участие всех сторон в судебных разбирательствах уголовного, административного и гражданского характера. Перевод охватывает не только защиту прав обвиняемых и свидетелей, но также участие в процессах с участием иностранных граждан и юридических лиц. Подходы к организации института судебного перевода существенно варьируются в зависимости от исторических, правовых и социально-экономических условий конкретного государства.

В рамках настоящего исследования рассмотрены особенности института судебных переводчиков в зарубежных государствах, представляющих различные правовые системы и культурно-правовые традиции, включая Россию, Францию, Германию, Польшу, США, Канаду, Австралию, Японию и Турцию. Анализ зарубежного опыта позволяет выявить особенности правового регулирования статуса судебного переводчика, порядка его привлечения к участию в судопроизводстве, квалификационных требований, а также механизмов обеспечения языковых прав участников процесса.

Российский опыт характеризуется специфическими вызовами, обусловленными геополитическими изменениями конца XX века. Как отмечает Е.Г. Вьюшкина, распад СССР и последующая миграция из стран СНГ, а также сокращение программ изучения русского языка в постсоветских государствах, резко актуализировали потребность в судебном переводе.

Согласно исследованиям Глушко Е.В., Прониной Е.А., Гисматуллиной А.К. и Мусатовой Э.Р. в России на текущий момент:

- отсутствует официальное закрепление узкой специальности «судебный переводчик» и институт присяжных переводчиков;
- регулирование осуществляется в рамках общего законодательства и профессионального стандарта «Специалист в области перевода»;
- практическая реализация возложена на лингвистов-универсалов, привлекаемых преимущественно через агентства, при отсутствии обязательной государственной сертификации.

Несмотря на возможность добровольной сертификации по международным стандартам (например, ISO 20228), в экспертном сообществе ведется активная дискуссия о необходимости создания государственной системы экзаменации и единого реестра специалистов.

Вопрос институционализации судебного перевода в зарубежных правовых системах, в частности в США, Канаде и Австралии, приобретает особую актуальность в условиях усиления миграционных процессов и роста транснациональной мобильности населения. Как отмечается в научной литературе, увеличение числа участников судопроизводства, не владеющих языком судопроизводства, обуславливает необходимость формирования эффективного механизма обеспечения их языковых прав посредством

привлечения квалифицированных судебных переводчиков. В этой связи особое значение приобретают вопросы профессиональной подготовки, сертификации и процессуального статуса судебных переводчиков, а также нормативного регулирования порядка их участия в уголовном судопроизводстве [41].

Институционализация судебного перевода в Канаде базируется на интеграции академической подготовки и государственных квалификационных требований. Примером системного подхода является программа Ванкуверского колледжа, проанализированная Джоан Колли [42]. Учебный план объемом 195 академических часов включает теоретическую подготовку и стажировку. Сертификат программы официально признан судебным отделом Министерства Генерального прокурора Британской Колумбии в качестве документа об аккредитации. Содержание курса ориентировано на развитие компетенций в области правовой системы, судебной терминологии и этических стандартов.

Проблема языкового барьера в судебных системах России и Японии актуализировались в конце XX века в связи с интенсификацией миграционных потоков.

В Японии право на бесплатную помощь переводчика в судебном процессе закреплено как элемент обеспечения справедливого судебного разбирательства и гарантируется государством для иностранных граждан, не владеющих японским языком. Данное право вытекает как из национального процессуального законодательства, так и из международных обязательств Японии, включая положения Международного пакта о гражданских и политических правах. В судебной практике также подтверждается, что расходы на перевод не могут возлагаться на обвиняемого. В условиях роста числа иностранных резидентов и участников судебных процессов наблюдается устойчивое увеличение спроса на судебных переводчиков, что обуславливает необходимость институционального развития данной сферы и усиления профессиональных требований к переводчикам. [43].

Особенности японской модели отбора:

- отсутствие жестких требований к гражданству и профильному образованию;

- процедура допуска включает собеседование с судьей и прохождение специализированного курса (теория и практика в зале суда).

- включение в официальный список после прохождения аттестации.

Тем не менее, японская система сталкивается с острым дефицитом квалифицированных кадров для вьетнамского, китайского, португальского и филиппинского языков, что ставит под вопрос оперативность и полноту обеспечения принципа справедливого судебного разбирательства в отношении трудовых мигрантов.

Деятельность судебного переводчика в Японии носит комплексный характер и охватывает как устный (последовательный и синхронный), так и письменный перевод процессуальных документов. Согласно данным энциклопедического портала Kotobank, система организации судебного

перевода в Японии отличается децентрализованным характером: каждый суд самостоятельно осуществляет отбор кандидатов, проводит собеседования и формирует списки (реестры) судебных переводчиков, допуская их к участию в процессах при наличии соответствующей квалификации и прохождении внутреннего отбора. [44].

В Турецкой Республике правовой статус присяжного переводчика (yeminli tercüman) определяется обязательной государственной аттестацией и принесением судебной присяги, при этом подпись и печать такого специалиста обладают официальной юридической силой, используемой в судебном и административном делопроизводстве. В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Турции № 5271 участие переводчика в уголовном судопроизводстве осуществляется на основе официальных списков, ежегодно формируемых при провинциальных комиссиях по правосудию. В научной литературе отмечается, что присяжные переводчики несут персональную ответственность за точность и полноту перевода процессуальных документов, включая воспроизведение всех реквизитов и элементов оригинала, что выступает важной гарантией защиты прав иностранных граждан в судебном процессе [45].

Сравнительный анализ реализации принципа языка уголовного судопроизводства в зарубежной практике и Республике Казахстан позволяет выделить общие стандарты обеспечения прав участников процесса, а также специфические национальные механизмы их реализации.

В основе этого принципа лежит конституционное право каждого на пользование родным языком и обязанность государства обеспечить бесплатную помощь переводчика, что закреплено в международном праве (например, в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека).

Таблица 6. Сравнительная таблица: язык уголовного судопроизводства

Параметр сравнения	Республика Казахстан (РК)	Зарубежные страны (США, ЕС, СНГ)
Основной закон (язык)	Государственный (казахский). Официально наравне используется русский (ст. 30 УПК РК).	Государственный язык (в США – английский де-факто; во Франции – французский; в РФ – русский).
Выбор языка дела	Определяется органом, ведущим процесс. Изменяется мотивированным постановлением (ч. 2 ст. 30 УПК).	В ЕС (Директива 2010/64/EU) акцент на языке, который понимает подозреваемый, а не только на статусе государственного.
Право на перевод	Безвозмездно для лиц, не владеющих или недостаточно владеющих языком (ч. 3 ст. 30 УПК).	Бесплатно во всех странах (международный стандарт). В США (штат Калифорния) – 4.4 млн переводов за 4 года.
Статус переводчика	Относится к иным участникам уголовного процесса (ст. 81 УПК).	Присяжные переводчики (Германия, Польша, Франция) с личной

Параметр сравнения	Республика Казахстан (РК)	Зарубежные страны (США, ЕС, СНГ)
		печатью и уголовной ответственностью.
Обязательное участие защитника	Обязательно, если лицо не владеет языком судопроизводства (п. 4 ч. 1 ст. 67 УПК).	Стандарт «Fair Trial» (Справедливый суд). В Канаде закреплено в ст. 14 Хартии прав и свобод.

В Казахстане действует уникальная модель, где право выбора языка судопроизводства (казахский или русский) возложено на правоохранительные органы. В отличие от некоторых стран СНГ (например, Армении, где установлен только один язык), в РК допускается гибкое изменение языка дела. Однако эксперты (например, А. Шарипова) указывают на необходимость более четкой регламентации процедуры «изменения языка», чтобы исключить формализм [46].

Зарубежный опыт (особенно Польши и Франции) демонстрирует преимущество системы присяжных переводчиков. В этих странах переводчик не просто привлекается из агентства, а является сертифицированным судебным экспертом.

В Казахстане на текущий момент переводчик - это любой человек, владеющий языками.

Анализ международной практики свидетельствует о том, что в большинстве развитых правовых систем статус судебного переводчика институционализирован через механизмы государственной сертификации или процедуру принесения присяги. В Австралии функционирование данной сферы обеспечивается Национальным агентством по аккредитации переводчиков и устных переводчиков (NAATI), которое устанавливает дифференцированные квалификационные уровни от базовой практики до конференц-перевода. В странах Европейского союза, таких как Испания, Бельгия, Австрия, Чехия и Нидерланды, превалирует система присяжных переводчиков. В частности, в Испании статус *traductor–interprète jurado* присваивается Министерством иностранных дел, а в Австрии и Чехии допуск к профессии требует наличия степени магистра, успешной сдачи специализированных экзаменов и прохождения обязательной стажировки [47].

В Соединенных Штатах Америки регулирование характеризуется федеративным подходом, предполагающим сдачу квалификационных экзаменов как на федеральном уровне, так и в рамках юрисдикций отдельных штатов, при этом сертификаты профессиональных объединений NAJIT или ATA служат дополнительным подтверждением экспертной компетенции. Обобщение мирового опыта позволяет выделить три универсальных требования к судебному переводчику: наличие подтвержденного профессионального уровня через экзаменацию, строгое следование этическим кодексам и обладание легитимным правовым статусом для участия в процессуальных действиях.

Несмотря на эффективность моделей Германии, Франции, Канады и США, их прямая имплементация в правовое поле Республики Казахстан ограничена административными и правовыми различиями. В качестве перспективных направлений адаптации международного опыта рассматриваются введение национальной системы сертификации, закрепление квалификационных требований на законодательном уровне и повышение процессуального статуса переводчика как полноправного участника судебного производства.

Наиболее релевантной для правовой системы Казахстана представляется польская модель институционализации перевода. Данная система предполагает прохождение обязательного государственного экзамена под эгидой Министерства юстиции с последующим внесением специалиста в реестр присяжных переводчиков. Польский опыт характеризуется глубокой интеграцией образовательных программ (в частности, Университета Варшавы и ТЕПИС) с практической деятельностью, наличием жесткой правовой ответственности и этического кодекса. Дополнительным инструментом контроля качества в польской практике выступает видеофиксация процесса перевода. Сочетание государственного надзора, непрерывного профессионального развития и четкой регламентации ответственности делает польскую модель оптимальным базисом для совершенствования законодательства Казахстана в области судебного перевода при условии учета национальных административных особенностей.

Дополнительным инструментом контроля качества в польской практике выступает видеофиксация процесса перевода. Сочетание государственного надзора, непрерывного профессионального развития и четкой регламентации ответственности делает польскую модель оптимальным базисом для совершенствования законодательства Казахстана в области судебного перевода при условии учета национальных административных особенностей.

Современная практика (Англия, Уэльс, Япония) демонстрирует активное внедрение технологий видеоконференцсвязи и искусственного интеллекта для преодоления кадрового дефицита в области редких языков. Однако технологизация процесса сопряжена с рисками утраты невербальных смыслов и снижения качества коммуникации. Во всех исследованных странах (включая Канаду и Австралию) фиксируется проблема недостаточного финансирования и низкого социального престижа профессии судебного переводчика, что создает угрозу стабильности системы правосудия.

Сравнительно-правовой анализ свидетельствует о том, что модель Польши представляет собой одну из наиболее структурированных и институционально выверенных систем регулирования деятельности присяжных переводчиков, обладающую значительным потенциалом для адаптации в правовом поле Республики Казахстан. Комплексный характер данной модели выражается в сочетании обязательного государственного квалификационного экзамена, проводимого под эгидой Министерства юстиции, ведения официального государственного реестра присяжных переводчиков, а также установления

строгих профессионально-этических стандартов, закреплённых в Кодексе присяжного переводчика (TEPIAS). Указанные элементы обеспечивают трансформацию статуса переводчика из категории «лингвиста-универсала» в статус судебного эксперта с чётко определённой правовой ответственностью, высокой квалификацией и процессуальной значимостью в системе отправления правосудия.

2. ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

2.1 Нормативно-правовое закрепление и процессуальное содержание принципа языка уголовного судопроизводства

Социально-правовая значимость принципа языка судопроизводства коррелирует с текущими миграционными тенденциями в Республике Казахстан. Масштабный приток иностранных граждан, наблюдаемый с начала 2024 года [48], и сопутствующий рост административных правонарушений в сфере трудового законодательства в мегаполисах и регионах подчеркивают востребованность квалифицированной лингвистической поддержки в правовом поле. В ситуациях, затрагивающих публичные интересы, государство берет на себя обязательство по безвозмездному предоставлению переводчика, что является гарантом реализации фундаментального права личности на понимание существа обвинения и полноценную юридическую защиту.

Обеспечение языковых гарантий является важным элементом правового государства и закрепляется в конституционных положениях о праве на использование родного языка и свободный выбор языка общения. В этих условиях судебный переводчик выполняет не только вспомогательную, но и правозащитную функцию, обеспечивая реализацию принципов справедливости и равенства сторон в процессе, при сохранении обязательного использования государственного языка как основы функционирования правовой системы.

Регулирование данной сферы осложняется тем, что необходимость перевода возникает в различных видах судопроизводства, каждый из которых имеет свои процессуальные особенности. Это затрудняет формирование единых подходов к правовому статусу судебного переводчика. В связи с этим в работе проводится сравнительный анализ действующих норм с целью выявления общих подходов и обоснования необходимости более унифицированного регулирования деятельности судебных переводчиков.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют об отсутствии в действующем процессуальном законодательстве унифицированной дефиниции понятия «судебный переводчик». В большинстве нормативных актов данный субъект традиционно квалифицируется как «иной участник процесса», обладающий необходимыми языковыми компетенциями и характеризующийся отсутствием материально-правовой заинтересованности в исходе

разбирательства. Подобный подход подчеркивает служебный, вспомогательный характер его деятельности, направленный на технико-правовое обеспечение правосудия.

Таблица 7. Нормативно-правовое закрепление и содержание принципа языка уголовного судопроизводства в Республике Казахстан

Структурный элемент	Содержание и правовая регламентация
Конституционная основа	Новая Конституция РК: установление государственного статуса казахского языка и официального употребления русского языка в государственных организациях.
Процессуальная норма	Ст. 30 УПК РК: регламентирует ведение судопроизводства на казахском языке, а при необходимости - на русском или других языках.
Обеспечение прав личности	Гарантия права участников процесса, не владеющих языком производства, делать заявления, давать показания и заявлять ходатайства на родном языке.
Роль государства	Обязанность следственных и судебных органов обеспечивать бесплатные услуги переводчика для лиц, не владеющих языком процесса.
Процессуальные последствия	Признание существенным нарушением норм УПК РК ведение процесса на языке, которым не владеет обвиняемый, без участия переводчика.
Документальное обеспечение	Обязательное вручение копий процессуальных актов (обвинительного акта, приговора) в переводе на родной язык участника процесса.

Принцип языка уголовного процесса представляет собой не только лингвистическое требование, но и важную процессуальную гарантию, обеспечивающую право на защиту и доступ к справедливому правосудию. Его содержание основано на конституционных положениях о языковой политике государства и конкретизируется в нормах уголовно-процессуального законодательства.

Особое значение данного принципа заключается в обеспечении реального, а не формального равенства участников процесса. От уровня языкового понимания напрямую зависит возможность осознавать суть обвинения и эффективно реагировать на доводы сторон, поэтому нарушение языковых гарантий рассматривается как существенное ограничение права на защиту.

Реализация этого принципа невозможна без участия судебного переводчика, который обеспечивает передачу правового содержания между языками и предотвращает искажение смысла процессуальной информации. При этом право на перевод является гарантированным и не зависит от личных или процессуальных обстоятельств участников дела.

В современных условиях развитие данного принципа предполагает более раннее выявление языковых потребностей участников процесса и своевременное

обеспечение переводческого сопровождения, что способствует снижению процессуальных рисков и повышению доверия к правосудию.

В правовом поле Республики Казахстан переводческая деятельность не подлежит лицензированию или специальному разрешению. В соответствии с Законом «О разрешениях и уведомлениях», для осуществления данной деятельности достаточно регистрации в качестве субъекта индивидуального предпринимательства [49]. Налоговый режим в этой сфере также максимально упрощен: при соблюдении установленных лимитов дохода предусмотрена возможность работы на основе патента, что, с одной стороны, стимулирует рынок услуг, а с другой - оставляет открытым вопрос о государственном контроле качества судебного перевода [50].

Для проведения объективного анализа текущей языковой ситуации в системе правосудия были изучены эмпирические данные, полученные в ходе взаимодействия с профессиональным переводческим сообществом. В начале 2025 года в адрес Бюро переводов «Елім-ай» (г. Астана) был направлен исследовательский запрос с целью мониторинга динамики поступления процессуальных материалов и выявления наиболее востребованных языковых пар [51].

Согласно официальным сведениям, представленным организацией в январе 2025 года, ИП «Елім-ай» выступает одним из ключевых субъектов, обеспечивающих лингвистическое сопровождение деятельности судебных и правоохранительных структур Республики Казахстан.

Статистические данные за 2024-2025 годы, характеризующие взаимодействие с органами правопорядка и судами, представлены в таблице ниже. Они позволяют оценить динамику обращений за услугами процессуального перевода и определить уровень нагрузки на систему лингвистического обеспечения в уголовном судопроизводстве.

Таблица 8. Количество обращений на перевод в ИП «Елім-ай» в 2024–2025 гг.

№	Направления перевода	2024 год	2025 год
1	С русского на казахский	525	855
2	С казахского на русский	317	625
3	С русского на английский	90	79
4	С английского на русский	34	53
5	С английского на казахский	2	5
6	С казахского на английский	2	6
7	С русского на китайский	17	18
8	С китайского на русский	8	8
9	С китайского на казахский	5	6
10	С русского на турецкий	49	83
11	С турецкого на русский	4	5
12	С турецкого на казахский	1	1

№	Направления перевода	2024 год	2025 год
13	С казахского на турецкий	5	6
14	С русского на арабский	63	14
15	С русского на славянские языки	6	—
16	С английского на греческий	1	—
17	С русского на греческий	2	—
18	С русского на немецкий	31	21
19	С немецкого на русский	2	—
20	С русского на испанский	8	10
21	С испанского на русский	1	1
22	С украинского на русский	2	1
23	С киргизского на словацкий	1	—
24	С русского на чешский	7	3
25	С чешского на русский	2	—
26	С русского на польский	5	9
27	С польского на русский	1	—
28	С русского на португальский	4	1
29	С русского на шведский	2	3
30	С русского на тайский	2	—
31	С русского на грузинский	2	—
32	С грузинского на русский	1	—
33	С итальянского на русский	7	—
34	С русского на итальянский	1	6
35	С русского на персидский	5	13
36	С персидского на русский	5	—
37	С русского на литовский	3	—
38	С русского на корейский	4	—
39	С корейского на русский	1	—
40	С японского на казахский	1	—
41	С русского на азербайджанский	1	—
42	С азербайджанского на казахский	2	—
43	С казахского на латинский	1	—
44	С русского на узбекский	20	10
45	С узбекского на русский	1	1
46	С русского на французский	—	6
47	С венгерского на русский	—	1
48	С монгольского на русский	—	1
ИТОГО:		1227	1878

Наиболее заметная динамика наблюдается в сфере переводов, связанных с государственным языком. Количество обращений по направлению с казахского на русский язык увеличилось с 317 до 625 случаев, что отражает значительный рост. Аналогичная тенденция прослеживается и по направлению с русского на

казахский язык - с 525 до 855 обращений, что также свидетельствует о существенном увеличении объема переводческой работы. В целом это указывает на сохраняющуюся значимость языковой пары «казахский-русский» как ключевого направления лингвистического обеспечения в РК.

Одновременно отмечается расширение языкового разнообразия переводческой практики. В 2025 году усилилась активность переводов между русским и английским языками, а также увеличилось количество случаев использования казахского языка в сочетании с английским, китайским и японским языками. Наряду с этим сохраняется потребность в переводах на немецкий, корейский, литовский и другие языки, что свидетельствует о расширении межъязыкового взаимодействия и усложнении структуры переводческой деятельности. В совокупности это подчеркивает возрастающую роль переводчика как важного элемента правовой коммуникации в условиях расширяющихся международных связей.

Представленные количественные данные позволяют оценить общие тенденции развития переводческой деятельности, однако для более полного понимания эффективности института судебного перевода требуется также анализ его функционирования с точки зрения профессионального сообщества и участников правоприменительного процесса.

Первичной задачей проведенного социологического исследования стало определение интенсивности привлечения судебных переводчиков в практической деятельности адвокатов. Анализ ответов на вопрос о частоте столкновения с необходимостью участия лингвиста в судебном процессе позволил выявить репрезентативную картину текущей ситуации в Восточно-Казахстанской области.

Согласно полученным данным, подавляющее большинство опрошенных адвокатов в той или иной степени нуждаются в услугах перевода в рамках своей профессиональной деятельности. Лишь один респондент указал на полное отсутствие подобной практики в своем опыте. Наибольшую группу составили адвокаты, прибегающие к помощи переводчика «редко» (от одного до двух раз в год) - к этой категории относятся 22 участника опроса. Почти сопоставимое количество респондентов - 21 человек - отметили «умеренную» частоту привлечения специалистов (от трех до пяти раз в год). При этом группа адвокатов, «часто» сталкивающихся с языковым барьером в суде (более пяти раз в год), составила 8 человек [52].

Обобщение представленных данных позволяет сделать вывод о том, что в среднем каждый адвокат Коллегии адвокатов ВКО сталкивается с процессуальной необходимостью привлечения переводчика от трех до пяти раз в течение календарного года. Полученные результаты подтверждают гипотезу о стабильно высокой актуальности института судебного перевода и его значимости для обеспечения полноценной профессиональной защиты интересов граждан в условиях многоязычного правового пространства.

Детальная статистическая обработка результатов опроса позволяет уточнить структуру спроса на услуги переводчиков в адвокатской среде. Крайне незначительная доля респондентов, составляющая лишь 1,92 %, заявила о полном отсутствии профессионального опыта взаимодействия с переводчиками в судебных заседаниях. В то же время наиболее распространенным оказался ответ о редком привлечении специалистов (от одного до двух раз в год), что характерно для 42,31 % опрошенных. Почти идентичный по масштабу сегмент адвокатов (40,38 %) отметил умеренную потребность в лингвистическом сопровождении – от трех до пяти раз в год. Группа участников процесса, испытывающих потребность в профессиональном переводе систематически (более пяти раз ежегодно), находится в меньшинстве, составляя 15,38 %, однако остается статистически значимым индикатором нагрузки на институт судебного перевода.

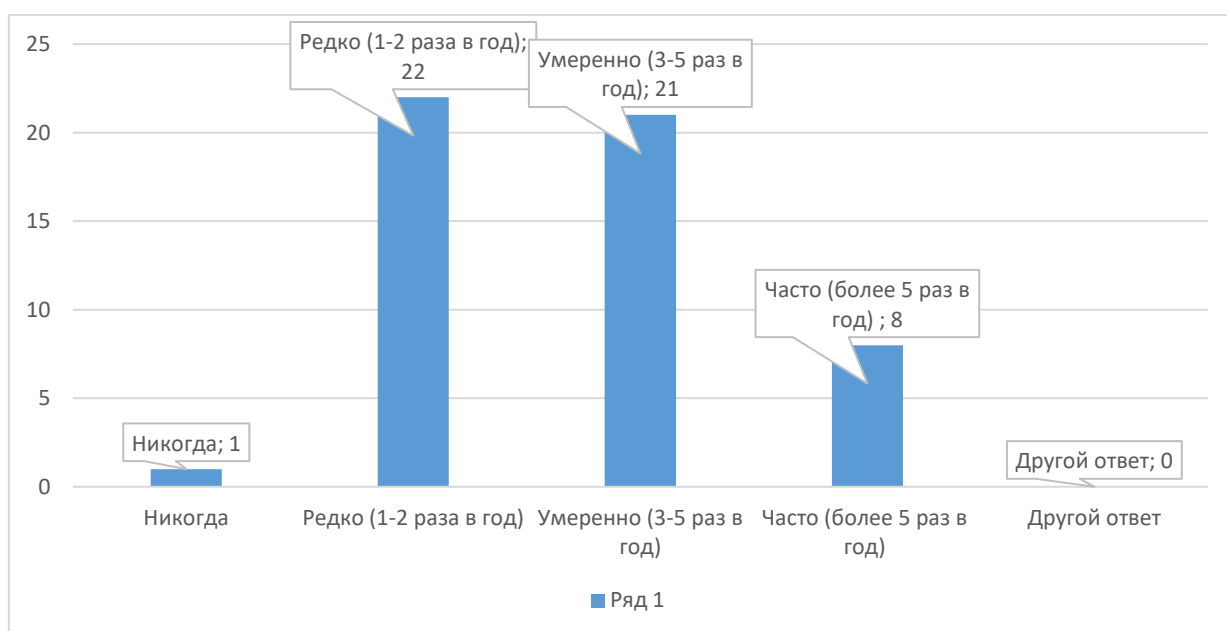

Рисунок 8 - Как часто Вы сталкиваетесь с необходимостью привлечения переводчиков в судебном процессе?

Сводный анализ показывает, что для преобладающего большинства респондентов (82,69 %) необходимость в переводческой поддержке носит периодический, а не перманентный характер, ограничиваясь пятью случаями в год. Данный вывод имеет прикладное значение для оптимизации организационных и кадровых ресурсов судебной системы, указывая на востребованность гибких механизмов привлечения специалистов.

При интерпретации полученных сведений нельзя исключать влияние определенных субъективных детерминант. Тот факт, что преимущественное число анкет было заполнено на русском языке, позволяет предположить наличие некоторой латентности в ответах. Существует вероятность, что отдельные респонденты могли намеренно дистанцироваться от признания личной потребности в переводе, стремясь избежать акцентирования внимания на уровне

владения государственным языком. Подобный психологический аспект потенциально мог скорректировать итоговые показатели, особенно в разделах, касающихся самооценки лингвистической компетенции.

Тем не менее, зафиксированный уровень востребованности переводческих услуг остается достаточно высоким. Непостоянный характер этой потребности, как правило, диктуется спецификой конкретных категорий дел или правовым статусом участников процесса, что подтверждает статус переводчика как неотъемлемого элемента обеспечения процессуальных прав граждан в многоязычной среде.

Специфика деятельности судебного переводчика, как отмечает Ю.В. Ахметшина, детерминирована исключительной сложностью и высокой когнитивной нагрузкой. Квалифицированный специалист в данной области обязан демонстрировать не только фундаментальную лингвистическую подготовку, но и обладать глубокой компетенцией в сфере процессуального права, владеть специфической терминологией и понимать алгоритмы судебных процедур в различных видах судопроизводства [53]. На практике реализация этих функций осложняется факторами повышенной ответственности, жесткими временными рамками и дефицитом системных правовых гарантий деятельности.

Важным этапом на пути институционализации и профессионализации данной сферы в Республике Казахстан стало внедрение специализированного Профессионального стандарта, а также разработка межотраслевых норм времени, регулирующих трудозатраты на переводческие работы. В частности, с 1 января 2025 года вступил в силу Приказ и.о. Министра труда и социальной защиты населения РК от 26 августа 2024 года № 331, утвердивший временные нормативы для письменного перевода между государственным и русским языками [54]. Данные меры отражают стремление государства к созданию четких нормативных ориентиров и стандартизации качества переводческих услуг в официальном дискурсе.

Тем не менее в профессиональном сообществе сохраняется ряд системных проблем, наиболее острой из которых является финансовая и правовая незащищенность специалистов. Отсутствие действенных механизмов гарантирования оплаты труда, особенно в рамках частной практики, выступает дестабилизирующим фактором, снижающим мотивацию переводчиков и, как следствие, качество предоставляемых услуг.

Формирование справедливой профессиональной среды требует наличия у переводчиков эффективных механизмов защиты своих прав. Понимание способов урегулирования споров при недобросовестном исполнении обязательств со стороны заказчиков способствует повышению статуса профессии и устойчивости системы правосудия.

Для снижения рисков и обеспечения стабильности деятельности целесообразно внедрение типовых договоров и правовых механизмов защиты интересов переводчиков, что позволит укрепить их правовое положение и улучшить условия профессиональной деятельности.

Отдельного внимания требует обеспечение доступности правосудия для лиц с нарушениями слуха и зрения. В этих случаях необходима работа специализированных переводчиков, обеспечивающих адаптацию юридически значимой информации и равный доступ к процессу.

Актуальность данной проблемы подтверждается статистическими данными о значительном числе лиц с инвалидностью в РК и устойчивой динамикой роста соответствующих показателей, а также оценками специалистов относительно распространенности нарушений слуха среди населения.

Масштаб проблемы подтверждается общереспубликанской статистикой. По состоянию на 2025 год в Казахстане зарегистрировано порядка 109,5 тыс. детей с инвалидностью, при этом динамика прироста первичной инвалидности среди несовершеннолетних сохраняет устойчиво высокие темпы, превысив 26% в годовом исчислении. Особого внимания заслуживает демографический срез лиц с нарушениями слуха. Согласно экспертным оценкам главного внештатного сурдолога Министерства здравоохранения РК, при текущей численности населения потенциальное число лиц с проблемами слуха может достигать 1,4 млн человек. Однако официальный учет охватывает лишь чуть более 18 тыс. граждан, из которых около 5,3 тыс. составляют дети. Столь существенный разрыв между расчетными и официально зафиксированными показателями свидетельствует не только о латентности нарушений слуха в популяции, но и о наличии серьезных барьеров в доступе к специализированной помощи, включая профессиональный сурдоперевод [55].

В частности, установленная квота в размере 60 часов сурдоперевода в год на одного гражданина не позволяет обеспечить полноценную интеграцию личности в социальные и правовые процессы. Практика показывает, что наиболее востребован сурдоперевод в рамках гражданского и административного производств (преимущественно по делам о дорожно-транспортных происшествиях), тогда как участие специалистов в уголовных делах фиксируется значительно реже.

Обобщая результаты, можно прийти к выводу, что потребность в сурдопереводе в Республике Казахстан имеет как системный, так и ситуационный характер, оставаясь при этом неудовлетворенной в полной мере. Острая нехватка специалистов в сочетании с жестким квотированием услуг и неравномерным распределением ресурсов требует концептуального пересмотра нормативных подходов. Перспективными направлениями развития должны стать расширение бюджетного финансирования, увеличение объема предоставляемых часов перевода и поэтапное внедрение инновационных технологий автоматизированного жестового перевода на базе искусственного интеллекта. При этом обязательным условием выступает тщательная адаптация подобных технологических решений к специфическим потребностям слабослышащих граждан для исключения искажения смыслов в процессе отправления правосудия.

Важным аспектом эмпирического исследования стало выявление практических препятствий, возникающих у лиц с нарушениями слуха при реализации их права на квалифицированную лингвистическую помощь в суде. Анализ ответов респондентов на вопрос о сложностях вызова сурдопереводчика позволил дифференцировать степень доступности данных услуг.

В зависимости от функциональной направленности и временного этапа уголовного производства в доктрине выделяются две основные формы данной деятельности. Перевод, реализуемый в рамках досудебного производства, правомерно квалифицируется как следственный перевод, тогда как работа специалиста непосредственно в ходе судебного разбирательства рассматривается как судебный перевод в узком смысле. Такое разграничение позволяет более точно определять процессуальные задачи и ответственность переводчика в зависимости от специфики конкретной стадии судопроизводства.

Вместе с тем эффективность реализации переводческой деятельности в уголовном процессе определяется не только разграничением её функциональных форм и процессуальных задач переводчика, но и степенью нормативной определённости самого принципа языка судопроизводства. Отсутствие чёткого и последовательного законодательного регулирования вопросов использования языков в уголовном процессе способно существенно снижать уровень гарантий реализации права на защиту, затруднять единообразное применение процессуальных норм и создавать предпосылки для неоднозначной правоприменительной практики. В этой связи особую актуальность приобретает совершенствование уголовно-процессуального и языкового законодательства Республики Казахстан, направленное на обеспечение правовой определённости в сфере языкового регулирования уголовного судопроизводства.

Проведённый анализ международных стандартов, национального законодательства Республики Казахстан и процессуального статуса переводчика в уголовном судопроизводстве позволяет сделать вывод о том, что право лица пользоваться языком, которым оно владеет, и получать квалифицированную переводческую помощь выступает не формальной процессуальной гарантией, а одним из ключевых условий реализации конституционных принципов справедливого правосудия, равенства сторон и обеспечения права на защиту. Именно посредством надлежащего языкового обеспечения достигается реальная возможность участника процесса понимать сущность предъявляемых обвинений, содержание совершаемых процессуальных действий, пользоваться предоставленными законом правами и полноценно участвовать в уголовном судопроизводстве.

Действующее уголовно-процессуальное и языковое законодательство Республики Казахстан сохраняет отдельные положения, характеризующиеся неопределённостью и оценочным характером. Использование в нормативных конструкциях формулировок о применении «других языков» без установления чётких критериев и пределов их использования создаёт предпосылки для неоднозначного толкования норм, формирования различной

правоприменительной практики и, как следствие, недостаточно последовательной реализации принципа языка судопроизводства. В условиях многоязычия и особой значимости языковых прав в уголовном процессе подобная неопределённость способна негативно отражаться на уровне процессуальных гарантий участников судопроизводства и эффективности осуществления переводческой деятельности.

Кроме того, необходимость совершенствования соответствующих норм обусловлена и конституционно-правовыми изменениями, связанными с принятием Конституции Республики Казахстан на республиканском референдуме 15 марта 2026 года, что требует приведения отраслевого законодательства в соответствие с обновлёнными конституционными положениями.

С учётом изложенного обоснована необходимость совершенствования уголовно-процессуального и языкового законодательства Республики Казахстан в части реализации принципа языка судопроизводства.

В целях устранения правовой неопределённости и более полного обеспечения языковых прав участников процесса предложено уточнение положений статьи 30 УПК РК и статьи 13 Закона Республики Казахстан «О языках» путём исключения оценочных формулировок о «других языках» и закрепления ведения судопроизводства на казахском языке с официальным использованием русского языка, а также привести в соответствие с Конституцией Республики Казахстан, принятой на республиканском референдуме 15 марта 2026 года.

Предлагается изложить часть первую статьи 30 УПК РК в следующей редакции:

1. Уголовное судопроизводство в Республике Казахстан ведется на казахском языке, **наряду** с казахским официально в судопроизводстве употребляется русский язык, **а при необходимости языки, которыми участники уголовного судопроизводства владеют.**

Аналогичные изменения предлагается внести в статью 13 Закона Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан»:

«Судопроизводство в Республике Казахстан ведется на государственном языке, а, при необходимости, **наряду** с государственным языком употребляется русский язык или **языки, которыми участники судопроизводства владеют.**».

Предлагаемые изменения направлены на устранение оценочных формулировок, обеспечение нормативной определённости языкового регулирования, унификацию правоприменительной практики и укрепление гарантий реализации языковых прав участников уголовного судопроизводства.

2.2 Уголовно-процессуальный статус переводчика как гарантия реализации принципа языка судопроизводства

Правовое положение переводчика в уголовном процессе выступает фундаментальным механизмом реализации принципа языка судопроизводства. Для комплексного понимания данной процессуальной фигуры необходимо рассматривать её статус не изолированно, а в сопоставлении с административным и гражданским судопроизводством. Подобная компаративистика позволяет детерминировать универсальные требования к специалисту и выявить специфические особенности, присущие исключительно уголовно-процессуальной сфере, где риски нарушения прав личности наиболее высоки.

В контексте отсутствия унифицированных международных конвенций, детально регламентирующих деятельность судебных лингвистов, особую значимость приобретает изучение зарубежных моделей. Во многих правовых системах профессиональная компетентность и этические стандарты переводчика регулируются не только законами, но и кодексами профессиональной этики или специализированными ведомственными инструкциями. Важным международным ориентиром в этой области остается Рекомендация ЮНЕСКО от 22 ноября 1976 года «О юридической охране прав переводчиков и переводов» [56]. Несмотря на её общую направленность, заложенные в ней принципы имущественной и административной защиты оказывают косвенное, но существенное влияние на процессуальную деятельность, особенно в части справедливой компенсации трудозатрат и расходов специалистов при их привлечении к следственным действиям.

В национальном законодательстве Республики Казахстан базовым актом, определяющим правовой статус данного субъекта, является статья 81 УПК РК [10]. Норма закладывает четырехкомпонентную структуру статуса переводчика, обеспечивающую баланс его полномочий и ответственности.

Во-первых, устанавливаются квалификационные требования: переводчиком признается непредвзятое лицо, обладающее документально подтвержденными навыками перевода, включая владение жестовым языком.

Во-вторых, закрепляется комплекс процессуальных прав, позволяющих специалисту активно участвовать в коммуникации: от права уточнять формулировки путем постановки вопросов участникам до ознакомления с протоколами и получения вознаграждения за свой труд.

В-третьих, императивно определяются обязанности специалиста, к которым относятся дисциплинарная явка по вызову органа, ведущего процесс, обеспечение абсолютной точности и полноты перевода, а также строгое соблюдение конфиденциальности следственных данных. Наконец, четвертый компонент - ответственность, которая служит юридическим гарантом качества: неявка без уважительных причин влечет административные санкции, в то время как заведомо ложный или искаженный перевод является основанием для привлечения к уголовной ответственности. Такой многоуровневый подход к регламентации статуса переводчика направлен на минимизацию судебных ошибок и обеспечение подлинной состязательности сторон.

В современной юридической доктрине правосубъектность квалифицируется как фундаментальная категория, определяющая юридическую возможность лица выступать полноправным участником правоотношений. В уголовно-процессуальной сфере правовой статус переводчика детерминирован частью 1 статьи 81 УПК РК, которая определяет его как физическое лицо, обладающее свободным владением необходимым языком и привлекаемое к участию в деле в строго установленном законом порядке. Важно подчеркнуть, что данная норма рассматривает переводчика как индивидуального субъекта, чей статус неразрывно связан с его персональной лингвистической компетенцией.

Международно-правовой фундамент участия переводчика в уголовном судопроизводстве заложен в положениях Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП). В частности, подпункты «а» и «f» пункта 3 статьи 14 Пакта обязывают государство обеспечивать обвиняемому детальное информирование о сути претензий на понятном ему языке, а также предоставлять безвозмездные услуги переводчика при наличии языкового барьера [57]. Комитет по правам человека в Общем комментарии № 32 акцентирует внимание на том, что бесплатная лингвистическая помощь является не просто технической мерой, а неотъемлемым условием соблюдения принципов справедливости и процессуального равенства сторон, распространяющимся на все стадии - от первичных следственных действий до вынесения окончательного судебного решения.

Для выработки предложений по совершенствованию отечественного законодательства необходимо отойти от узкоотраслевого подхода и рассмотреть статус переводчика в контексте межотраслевой компаративистики. Несмотря на то, что уголовный процесс предъявляет наиболее жесткие требования к точности интерпретации, правовые основы деятельности переводчика рассредоточены по различным кодифицированным актам: статье 56-4 ГПК, статье 758 КоАП и статье 35 АППК РК.

Сравнительный анализ этих норм позволяет выявить как универсальные элементы статуса, так и специфические различия, обусловленные предметом и методом регулирования соответствующей отрасли права. Ключевыми критериями для такого сопоставления выступают регламент назначения специалиста, дифференциация его прав и обязанностей, а также мера юридической ответственности за ненадлежащее исполнение функций. Особое значение имеет процедура назначения, так как именно она инициирует включение лица в правовое поле конкретного дела и определяет обязательность его участия. Систематизация данных подходов в рамках национальной правовой системы призвана обеспечить единство стандартов судебного перевода, что наглядно отражено в представленном сравнительном анализе (Таблица 9).

Таблица 9. Сравнительный анализ процедур назначения переводчика в процессуальном законодательстве Республики Казахстан

Критерий	Уголовно-процессуальный кодекс (ст. 81)	Гражданский процессуальный кодекс (ст. 56-4)	Административный процессуальный кодекс (ст. 35)	Кодекс об административных правонарушениях (ст. 758)
Основание и форма акта	Постановление органа, ведущего уголовный процесс. Охватывает как досудебную стадию, так и судебное разбирательство.	Определение суда. Назначение производится председательствующим в рамках гражданского дела.	Решение органа (должностного лица) в рамках рассмотрения административного дела.	Определение судьи или постановление должностного лица, рассматривающего дело о правонарушении.
Специфика компетенций	Свободное владение языком. Включает навыки перевода для лиц с нарушениями слуха (жестовый язык).	Акцент на инклюзивности: обязательное привлечение специалистов по жестовому языку и тактильной азбуке Брайля.	Требование к владению языком для обеспечения полноты административной процедуры. Специфические формы (Брайль) не детализированы.	Обеспечение точности перевода при составлении протоколов и рассмотрении материалов дела.
Критерий беспристрастности	Статус незаинтересованного лица; отсутствие личной выгоды от исхода дела.	Отсутствие родственных или иных связей с участниками процесса; полная объективность.	Независимость специалиста от участников административного дела и его результата	Классическое требование отсутствия заинтересованности в конечном результате производства
Отвод (основания и процедура)	ст. 92 УПК	ст. 39, 42 ГПК	ст. 67 АПК	ст. 815 КоАП

Уголовно-процессуальное законодательство, ввиду приоритетности защиты фундаментальных прав личности и обеспечения принципа состязательности, устанавливает наиболее жесткие и детализированные стандарты привлечения лингвиста. Статья 81 УПК РК императивно предписывает участие переводчика во всех случаях, когда ключевые участники процесса - от подозреваемого и потерпевшего до свидетелей и представителей - не владеют языком производства в объеме, достаточном для реализации своих прав.

Ключевой особенностью уголовного процесса является распространение полномочий переводчика на все стадии дела: от производства следственных действий до судебного разбирательства и работы с материалами дела. Юридическим фактом, инициирующим включение специалиста в процесс, выступает официальное постановление органа, ведущего уголовный процесс.

Данная форма акта обеспечивает процессуальную определенность, закрепляет ответственность сторон и создает условия для последующего контроля законности принятого решения.

В гражданском судопроизводстве механизм определения языкового режима и, соответственно, потребности в переводе имеет иную правовую логику. Согласно части 2 статьи 14 ГПК РК, язык процесса детерминируется судом на препозитивной стадии - при принятии искового заявления, исходя из языка поданного документа.

Данное решение фиксируется в определении о принятии иска к производству либо оформляется отдельным процессуальным актом. Характерной чертой гражданского процесса является принцип языковой стабильности: выбранный режим, как правило, сохраняется на всех уровнях судебной иерархии, включая апелляционную и кассационную инстанции. Трансформация языка судопроизводства допускается исключительно в экстраординарном порядке на основании мотивированного ходатайства сторон, что требует вынесения судом дополнительного определения.

В гражданском судопроизводстве право первичного выбора языка процесса принадлежит истцу, однако принцип диспозитивности ограничивается корреспондирующим правом иных участников заявить ходатайство о ведении дела на понятном им языке. Данная норма направлена на обеспечение транспарентности доказательственной базы и исключение двусмысленности при восприятии процессуальных действий. При этом суд наделен полномочием требовать представления документов, имеющих доказательственное значение, на языке производства. Согласно положениям ГПК РК, участники процесса, включая свидетелей, обладают безусловным правом на дачу объяснений и предоставление материалов на любом языке, которым они владеют в достаточной степени.

Важной гарантией эффективности лингвистического сопровождения является стадия досудебной подготовки. Статья 170 ГПК РК вменяет в обязанность суду своевременное определение необходимости привлечения переводчика. Аналогичный подход прослеживается и в производстве по делам об административных правонарушениях. Статья 758 КоАП РК устанавливает, что функции переводчика может выполнять совершеннолетнее, незаинтересованное лицо, обладающее соответствующими компетенциями, включая навыки сурдоперевода. Назначение специалиста судьей или должностным лицом выступает инструментом обеспечения объективности и равенства прав субъектов административных правоотношений [58].

Отдельным аспектом правовой политики Республики Казахстан является обеспечение инклюзивности правосудия. Гражданское процессуальное законодательство демонстрирует наиболее высокий уровень детализации в этом вопросе, прямо предусматривая использование жестового языка и азбуки Брайля.

Одним из ключевых принципов любого судопроизводства является беспристрастность. Переводчик не должен быть связан с участниками дела или органом, ведущим процесс, родственными, дружескими или служебными отношениями. Это требование закреплено в нормативном постановлении Верховного Суда РК, которое разъясняет нормы УПК, ГПК и КоАП с учетом принципов независимости и профессионализма. Только переводчик, не заинтересованный лично или материально в исходе дела, может точно передать обстоятельства процесса и тем самым способствовать законности судебного решения.

Сравнительный анализ норм УПК, ГПК и КоАП РК показывает, что наиболее строгие требования к деятельности переводчика предъявляются в уголовном процессе. Это связано с тем, что ошибки перевода в таких делах могут привести к незаконному ограничению свободы человека и нарушению его основных прав. Поэтому дальнейшее исследование правового статуса переводчика будет сосредоточено именно на особенностях уголовного судопроизводства.

Несмотря на различия между видами судопроизводства, все процессуальные акты (УПК, ГПК, АППК и КОАП) устанавливают единые требования к качеству работы и профессиональной дисциплине переводчика. При этом сравнительный анализ показывает не только общие подходы, но и особенности, характерные для каждого вида процесса.

Таблица 10. Сравнительная характеристика обязанностей переводчика в процессуальном законодательстве РК

Вид обязанности	УПК РК (ст. 81)	ГПК РК (ст. 56-4)	АППК РК (ст. 35)	КоАП РК (ст. 758)
Явка по вызову	Обязательна к органу расследования или в суд. За неявку предусмотрена ответственность.	Обязательна в судебное заседание.	Обязательна к административному органу или должностному лицу.	Обязательна к судье или в орган, рассматривающий правонарушение.
Качество перевода	Требование абсолютной точности и полноты. Не допускается субъективная интерпретация.	Обязанность полно и правильно переводить объяснения, показания и документы.	Обязанность обеспечить точный перевод смыслов в административной процедуре.	Акцент на точности перевода при составлении протоколов.
Удостоверение акта	Подписание протоколов следственных действий и судебных заседаний.	Подписание протоколов и процессуальных документов в суде.	Оформление результатов перевода в рамках административного дела.	Подписание протокола об административном правонарушении.

Вид обязанности	УПК РК (ст. 81)	ГПК РК (ст. 56-4)	АППК РК (ст. 35)	КоАП РК (ст. 758)
Конфиденциальность	Строгий запрет на разглашение данных досудебного расследования.	Соблюдение тайны совещательной комнаты и частной жизни участников.	Неразглашение сведений, полученных в ходе административной процедуры.	Сохранение в тайне сведений, затрагивающих права и интересы граждан.
Процессуальный порядок	Соблюдение правил поведения, установленных для следственных действий и суда.	Соблюдение регламента судебного заседания и распоряжений председательствующего.	Подчинение порядку ведения административного дела.	Соблюдение порядка рассмотрения дела о правонарушении.

Наличие во всех четырех кодексах требования о подписи подтверждает, что переводчик несет персональную ответственность за аутентичность переданной информации. Подпись является юридическим фактом, на основании которого перевод приобретает статус доказательства или становится частью официального протокола.

Наиболее полная и детализированная регламентация обязанностей представлена в УПК РК, что продиктовано повышенными требованиями к защите прав человека в уголовной сфере. Напротив, нормы КоАП РК выглядят наиболее лаконичными и требуют гармонизации с общепроцессуальными стандартами в части защиты информации и дисциплинарной ответственности.

Таблица 11. Сравнительный анализ обязанностей переводчика в процессуальном законодательстве РК

Критерий (обязанности)	УПК (ст. 81)	ГПК (ст. 56-4)	АППК (ст. 35)	КоАП (ст. 758)
1. Явка по вызову органа/суда	+	+	+	+
2. Обеспечение точности и полноты перевода	+	+	+	+
3. Верификация перевода личной подписью	+	+	+	+
4. Конфиденциальность (неразглашение сведений)	+	+	+	Нет
5. Соблюдение процессуального порядка	+	+	+	Нет

Согласно части 6 статьи 81 УПК РК, а также корреспондирующим нормам ГПК, АППК и КоАП, в отношении переводчика, уклоняющегося от исполнения своих профессиональных задач без уважительных причин, могут быть применены следующие санкции:

-официальное предписание прибыть в назначенный срок;

- принудительное сопровождение специалиста к месту проведения процессуальных действий;

- материальная санкция за процессуальную недобросовестность.

Денежное взыскание служит эффективным рычагом поддержания порядка и качества правосудия. В уголовном процессе (ст. 156-165 УПК РК) максимальный размер штрафа ограничен 50 МРП. Основанием для наложения взыскания может служить не только неявка, но и нарушение установленного порядка в зале судебного заседания. Судебная процедура наложения взыскания характеризуется оперативностью: решение принимается судом непосредственно в заседании, а на стадии досудебного расследования - следственным судьей [10].

Следует отметить, что между нормативным требованием о своевременной явке переводчика и фактической реализацией этого процесса имеется ряд детерминирующих факторов. Основная проблема заключается в высокой когнитивной и трудовой нагрузке на специалистов по паре «казахский - русский». Дефицит профессионалов в этой области приводит к тому, что их рабочие графики зачастую не синхронизируются с динамичным расписанием судебных заседаний.

Кроме того, юридическая лингвистика характеризуется предельной терминологической плотностью. Переводчику требуется время не просто на механическую трансляцию речи, а на верификацию правовых дефиниций, что особенно сложно при работе с иностранными языками (например, китайским). В таких случаях от специалиста требуется комплексная компетенция, включающая знание правовой системы и социокультурного контекста страны происхождения участника процесса. Для преодоления данных барьеров представляется необходимым переход от эпизодического привлечения переводчиков к системной координации.

Однако между теоретическим эталоном «верного перевода» и повседневной судебной практикой сохраняется существенная дистанция. Основными факторами, препятствующими достижению идеальной модели коммуникации, являются:

- сложность юридической лексики и отсутствие унифицированных глоссариев;

- допуск к процессу лиц без специальной подготовки в области судебной лингвистики;

- отсутствие оперативных механизмов взаимодействия судов с профессиональными переводческими ассоциациями.

Как указано ранее, для нивелирования указанных противоречий необходимо создание официального реестра судебных переводчиков. Переход от случайного выбора специалистов к работе с «проверенными» переводчиками позволит не только повысить качество лингвистического посредничества, но и обеспечит соблюдение международных стандартов справедливого судебного разбирательства.

Основной обязанностью переводчика в уголовном процессе является точный и полный перевод процессуальных документов. Это необходимо для обеспечения права человека на защиту, так как без правильного перевода невозможно понять суть обвинения и содержание принимаемых по делу решений.

На досудебной стадии уголовного процесса законодательство Республики Казахстан устанавливает императивный перечень документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому и обвиняемому в переводе на понятный им язык. К категории таких актов относятся:

- судебные решения о применении меры пресечения в виде содержания под стражей (ст. 148 УПК РК);

- постановления о признании лица подозреваемым (ст. 202 УПК РК);

- протоколы следственных действий, ограничивающих права личности, включая обыск и выемку (ст. 256 УПК РК);

- итоговые документы следствия, в частности обвинительный акт (ст. 304 УПК РК) и уведомление о завершении досудебного расследования.

На стадии судебного разбирательства объем обязательного письменного перевода расширяется за счет включения постановлений о прекращении дела, изменении меры пресечения, а также приговора суда (ст. 404 УПК РК). Особое значение имеет перевод апелляционных жалоб и протестов (ст. 420 УПК РК), что гарантирует участникам возможность эффективного обжалования судебных решений в вышестоящих инстанциях.

Специфический правовой режим установлен для работы с материалами, содержащими государственные секреты или иную охраняемую законом тайну. В рамках обеспечения режима секретности переводчик наделяется правом ознакомления с оригиналами и переведенными текстами без возможности их копирования или выноса за пределы режимных помещений. Процессуальное оформление таких документов завершается их хранением в опечатанных конвертах в материалах дела, что накладывает на переводчика дополнительную юридическую ответственность за сохранение конфиденциальности информации.

Таким образом, деятельность переводчика по письменному переводу актов не является технической функцией, а представляет собой правовую гарантию соблюдения принципа языка судопроизводства на всех этапах уголовного процесса - от момента фактического задержания до вступления приговора в законную силу.

Институт процессуальной верификации перевода базируется на императивной обязанности специалиста подтверждать аутентичность переданного содержания личной подписью. Данное требование, закрепленное в статьях 81 УПК, 56-4 ГПК и 35 АППК Республики Казахстан, выступает юридической гарантией достоверности материалов дела и вручаемых участникам документов. Однако сравнительно-правовой анализ выявляет существенную дефектность норм КоАП РК. Несмотря на декларируемое право участников на получение документов на родном языке, статья 758 КоАП не

содержит прямого требования к переводчику удостоверить точность перевода подписью, что создает предпосылки для оспаривания легитимности доказательств и возникновения процедурных рисков на стадиях обжалования.

Важнейшим этико-правовым императивом является обязанность переводчика по сохранению режима секретности. Конфиденциальность охватывает не только персональные данные участников, но и сведения, составляющие тайну досудебного расследования. Согласно статье 423 УК РК, разглашение информации о ходе предварительного следствия или данных, полученных в закрытом судебном заседании, влечет за собой уголовное преследование [59]. Законодательство Республики Казахстан устанавливает жесткие санкции за нарушение неприкосновенности частной жизни в рамках уголовного процесса (статья 16 УПК РК), предусматривая меры наказания вплоть до лишения свободы.

Несмотря на детальную регламентацию обязанностей, в действующем праве сохраняется существенный пробел, связанный с процессуальным иммунитетом переводчика. В отличие от адвокатов, переводчики не защищены от возможного допроса в качестве свидетелей относительно сведений, полученных ими в ходе конфиденциального общения защитника с подзащитным или при выполнении профессиональных функций.

Учитывая, что переводчик часто становится единственным связующим звеном в коммуникации между участниками, не владеющими языком процесса, и их представителями, отсутствие запрета на допрос ставит под угрозу принцип состязательности и права на защиту. В этой связи научно обоснованной представляется инициатива по дополнению статьи 81 УПК РК нормой, устанавливающей запрет на допрос переводчика об обстоятельствах, ставших ему известными в рамках исполнения должностных обязанностей.

Таким образом, статус переводчика в современном праве Казахстана требует перехода от восприятия его как технического ассистента к признанию его полноправным участником процесса, обладающим подтвержденной квалификацией и защищенным правовыми гарантиями. Обеспечение безопасности перевода и институционализация профессиональной ответственности являются необходимыми шагами для гармонизации национальной правовой системы с международными стандартами правосудия.

Эффективность лингвистического сопровождения в юридическом процессе детерминирована не только уровнем филологической компетенции специалиста, но и неукоснительным соблюдением принципов беспристрастности и профессиональной нейтральности.

Действующее законодательство (в частности, часть 3 статьи 81 УПК РК) наделяет переводчика совокупностью прав, направленных на минимизацию искажений и защиту профессиональных интересов. Ключевые правомочия включают:

1. Коммуникативное взаимодействие: право задавать уточняющие вопросы участникам процесса для верификации контекстуальных смыслов.

2. Верификация документов: ознакомление с протоколами процессуальных действий и судебных заседаний с возможностью внесения мотивированных замечаний по полноте и корректности зафиксированного перевода.

3. Профессиональная самооценка: право на мотивированный отказ от участия в деле при недостаточности компетенций в конкретной языковой паре или предметной области.

4. Правовая защита и безопасность: обжалование неправомерных действий должностных лиц, а также возможность заявления ходатайств о применении мер государственной защиты в случае возникновения угроз жизни или здоровью.

Таблица 12. Сравнительная характеристика прав переводчика в судопроизводстве РК

Перечень прав	ч. 3 ст. 81 УПК	ч. 2 ст. 35 АППК	ч. 3 ст. 56 ГПК	ч. 3 ст. 758 КоАП
Уточняющие вопросы участникам	Да	Да	Да	Да
Знакомство с протоколом и замечания	Да (весь протокол)	Да (весь протокол)	Только с протоколом действия	С протоколом действия
Отказ (самоотвод) по компетенции	Да	Да	Да	Да
Вознаграждение и возмещение	Да	Да	Да	Не указано
Жалоба на действия органа/суда	Да	Нет	Нет	Нет
Ходатайство о мерах безопасности	Да	Нет	Нет	Да

Ответственность переводчика является важной гарантией законности и достоверности доказательств в судебном процессе. Во всех видах судопроизводства (УПК, ГПК, КОАП) перед началом участия в деле переводчику разъясняют его обязанности и предупреждают об ответственности за нарушения. Это подтверждается распиской, которая приобщается к материалам дела и подтверждает, что переводчик осознает последствия своих действий.

Наиболее строгой мерой является уголовная ответственность за заведомо неправильный перевод. Согласно статье 420 УК РК, такой перевод приравнивается к даче ложных показаний. Закон предусматривает различную степень наказания в зависимости от категории дела:

1. В обычных случаях наказание может предусматривать ограничение или лишение свободы на срок до шести лет.
2. Если неправильный перевод был совершен по делам о коррупционных, тяжких или особо тяжких преступлениях, либо из корыстных

побуждений, наказание ужесточается – от пяти до десяти лет лишения свободы [59].

Такая строгость санкций обусловлена тем, что умышленное искажение лингвистической информации способно радикально изменить вектор правосудия, привести к осуждению невиновного или оправданию преступника.

В административно-правовой сфере переводчик признается субъектом ответственности за отказ от исполнения обязанностей или несоблюдение установленного порядка (статья 75 КоАП) [58]. Объектом правонарушения в данном случае выступают гарантированные государством языковые и процессуальные права граждан.

Современная юридическая лингвистика указывает на отсутствие четкого законодательного определения термина «заведомо неправильный перевод». Качество судебного перевода - категория комплексная, объединяющая юридическую точность и филологическую эквивалентность. Установление факта «заведомости» требует проведения специализированной лингвистической экспертизы, способной подтвердить, что искажение не было случайным.

Статус переводчика как «ключевого медиатора» подчеркивает, что любая форма его ответственности - будь то уголовная за ложный перевод или административная за процессуальный отказ - служит цели предотвращения конфликтов и обеспечения безусловной реализации языковых прав человека в суде.

Правовой статус переводчика в уголовном процессе представляет собой систему обязательных норм, которые определяют его права, обязанности и пределы участия в деле. По сравнению с гражданским и административным судопроизводством, в уголовном процессе к качеству перевода предъявляются более строгие требования. Это связано с тем, что ошибки перевода могут привести к серьезным судебным ошибкам и нарушению прав человека.

Таким образом, системное улучшение качества судебного перевода требует не только процессуального контроля через институт отвода, но и радикального пересмотра тарифной политики и создания благоприятных условий для формирования пула опытных судебных лингвистов.

Развитие системы судебного перевода требует введения обязательного лицензирования и регулярной переаттестации переводчиков. Также важно создание специализированных лингвистических центров, где специалисты смогут получать не только языковую, но и юридическую подготовку. Судебный переводчик должен хорошо владеть не только языком, но и понимать нормы процессуального права, поскольку это помогает избежать ошибок и искажения смысла в ходе расследования и судебного разбирательства.

Современная система уголовного судопроизводства в Республике Казахстан нуждается в переходе к специализированной системе подготовки и сертификации судебных переводчиков, поддерживаемой на государственном уровне. Это позволит повысить качество правосудия и обеспечить соблюдения международных стандартов в области защиты прав человека.

Одним из важных шагов может стать создание единого государственного реестра сертифицированных судебных переводчиков. Обязательная аттестация поможет исключить участие неподготовленных специалистов и гарантировать, что в процессе будут участвовать переводчики, знающие процессуальные нормы и профессиональную этику.

Внедрение системы сертификации не только повысит качество лингвистического сопровождения, но и обеспечит прозрачность выбора переводчика органом, ведущим уголовный процесс. Это создаст необходимые условия для соблюдения всех процессуальных требований, повысит уровень защиты прав участников процесса, не владеющих языком судопроизводства, и, в конечном итоге, будет способствовать укреплению доверия к национальной системе правосудия. Таким образом, развитие профессиональных компетенций переводчика является неотъемлемым элементом модернизации уголовно-процессуального права в контексте международных стандартов справедливого судебного разбирательства. Современная законодательная архитектура Республики Казахстан характеризуется наличием профильных нормативных актов, детально регулирующих деятельность ключевых субъектов правосудия. В частности, институты адвокатуры, судебной экспертизы и медиации опираются на специализированные законы («Об адвокатской деятельности и юридической помощи», «О судебно-экспертной деятельности», «О медиации») [60], которые определяют их правовой статус, полномочия и профессиональные стандарты. Однако деятельность судебных переводчиков до настоящего времени остается вне рамок аналогичного системного регулирования. В отличие от адвокатов или экспертов, судебные переводчики лишены централизованных профессиональных структур, таких как республиканские палаты или коллегии, что препятствует консолидации сообщества и выработке единых этических и квалификационных требований.

Несмотря на отсутствие обособленного закона, роль переводчика является критической для обеспечения доступа к правосудию лицам, не владеющим языком судопроизводства. Тем не менее, участие переводчиков, особенно в таких узкоспециализированных нишах, как сурдоперевод и тифлосурдоперевод, сопряжено с комплексом нерешенных проблем. К ним относятся острый дефицит квалифицированных кадров, отсутствие верифицированного национального реестра специалистов и несовершенство организационных алгоритмов привлечения лингвистов к процессу.

Отсутствие единых профессиональных стандартов и нормативного закрепления роли переводчика приводит к тому, что на практике в Казахстане до настоящего времени не существует реестра сертифицированных судебных переводчиков, не установлены обязательные квалификационные требования, не регулируется порядок проверки компетентности переводчиков, а также практически не проводится аудио- или видеозапись переводимых процессуальных действий. В результате нередко возникают проблемы с контролем за достоверностью перевода, что приводит к нарушению принципа

языка уголовного судопроизводства, ставит участников процесса в неравное положение и снижает гарантии справедливого разбирательства. Искажённый или неполный перевод фактически означает нарушение права на защиту и права на справедливый суд.

Международный опыт также свидетельствует о необходимости нормативного регулирования института переводчика. В государствах Европейского союза, США, Канаде и ряде других стран судебные переводчики обладают чётко определённым статусом, проходят обязательную сертификацию, несут ответственность за качество перевода, а их деятельность подлежит аудиофиксации и ведомственному контролю. В национальном законодательстве Республики Казахстан подобные стандарты пока отсутствуют, что требует законодательного вмешательства.

В данных условиях обосновано законодательно закрепить создание и ведение единого Государственного реестра судебных переводчиков в Республике Казахстан в целях обеспечения права на защиту и доступа к правосудию лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства (Приложение 3).

Формирование и администрирование реестра целесообразно возложить на уполномоченный государственный орган с установлением порядка включения, приостановления и исключения из реестра. Включению подлежат лица, соответствующие квалификационным требованиям, включая наличие образования, подтверждённой языковой компетенции и владения юридической терминологией. Привлечение переводчиков к участию в уголовном процессе должно осуществляться преимущественно из числа лиц, включённых в реестр, за исключением объективных случаев. Необходимо также закрепить права, обязанности и ответственность судебного переводчика, включая требования к качеству и достоверности перевода, а также обеспечить доступность сведений реестра для судов и участников процесса с соблюдением законодательства о защите персональных данных. Реализация данного положения направлена на повышение качества судебного перевода и эффективности уголовного судопроизводства.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что в контексте модернизации отечественной правовой системы назрела объективная необходимость в четкой нормативной фиксации статуса судебного переводчика. Введение данного акта позволит устранить существующие пробелы, обеспечить стандартизацию качества судебного перевода, создать систему ответственности и контроля, а также укрепить гарантии реализации фундаментального принципа языка уголовного судопроизводства. Кроме того, возникает необходимость введения ведомственного мониторинга соблюдения норм языка судопроизводства, анализа жалоб на качество перевода и ведения официальной статистики выявленных нарушений, что обеспечит системный подход к развитию данного института.

2.3 Реализация принципа языка на стадиях уголовного процесса и цифровая трансформация

Проблема юридического перевода в Казахстане сегодня выходит за рамки простого подбора слов, превращаясь в вопрос системной правовой точности. Несмотря на то, что юридический язык по своей природе консервативен и сложен из-за латинских корней, в нашей стране создана мощная цифровая база для его развития. Платформы вроде Termincom.kz и национальные корпуса казахского языка (Qazscopus и другие) предоставляют колоссальный массив данных - сотни тысяч утвержденных терминов и миллионы словоупотреблений [61]. Это серьезный фундамент, который должен помогать лингвистам и юристам находить общий язык.

Безусловно, в определенных статьях УПК (например, в 5-й или 125-й) точность критически важна, и там замена термина на более глубокий «жарамдылық» выглядит обоснованной. При этом в других частях кодекса нынешний вариант может оставаться рабочим, если он не искажает общий контекст. Главный вывод здесь в том, что переход на единый стандарт требует не просто механической замены слов, а серьезного научного анализа, чтобы терминология в разных отраслях права не противоречила друг другу.

Таблица 13. Сравнительный анализ терминологии в УПК и ГПК РК

Параметр сравнения	Уголовно-процессуальный кодекс (УПК)	Гражданский процессуальный кодекс (ГПК)
Термин на русском языке	Допустимость доказательств	Допустимость доказательств
Термин на казахском языке	Дәлелдемелердің жол берілетіндігі	Дәлелдемелердің жарамдылығы
Смысловой оттенок	Акцент на процедурном разрешении («допускаемость»).	Акцент на правовом качестве и пригодности («валидность»).
Определение в законе	Доказательство признается допустимым, если оно получено в установленном порядке.	Доказательство признается допустимым, если оно получено в предусмотренном порядке.
Действие закона во времени (ст. 3 и 5)	Допустимость определяется законом, действовавшим в момент получения.	Допустимость определяется законом, действовавшим в момент получения.
Лингвистическая природа	Прямая калька с русского языка («жол беру» – допускать).	Контекстуальный перевод, отражающий юридическую суть.

Современная юридическая лингвистика в Казахстане сталкивается с серьезными вызовами, обусловленными отсутствием терминологического единообразия в ключевых нормативных правовых актах. Анализ текстов ГПК и УПК РК выявляет существенные расхождения в интерпретации и переводе фундаментальных правовых категорий на государственный язык. Наиболее показательным примером является концепт «допустимости доказательств»,

который получил принципиально разное содержательное наполнение в зависимости от отрасли права.

В рамках ГПК РК законодатель обоснованно использует термин «дәлелдемелердің жарамдылығы». Данная лексема отражает переносное, глубинное значение юридического института, акцентируя внимание на качественной характеристике доказательства - его пригодности, валидности и соответствии установленным законом критериям. Закрепление этого варианта в статьях 3, 65, 68, 87 и 420 ГПК РК свидетельствует о его устойчивости и адекватности гражданско-правовой доктрине. Напротив, в УПК РК (в частности, в статье 5 и статье 125) применяется термин «дәлелдемелердің жол берілетіндігі». Этот вариант представляет собой прямой калькированный перевод, который фиксирует лишь процедурный аспект «допуска» материалов в производство, утрачивая при этом сущностную оценку их правовой доброкачественности. С юридико-лингвистической точки зрения такая дихотомия вносит разлад в системное восприятие права и может приводить к искажению правовых норм в судебной практике.

Аналогичная дефицитарность юридической техники наблюдается и при описании процессуальных действий органов прокуратуры. В ряде норм Уголовно-процессуального кодекса, включая статьи 87, 318, 344, 489, 494 и 522, действие по принесению протеста ошибочно передается через глагол «білдіру» (выражать).

Юридический перевод требует от специалиста не только хорошего знания языка, но и понимания особенностей разных профессиональных сфер. В судебной практике это особенно важно, поскольку переводчику приходится работать как со специальной терминологией в хозяйственных и аграрных спорах, так и с медицинскими понятиями в уголовных делах.

Недостаток знаний о профессиональной лексике, национальных бытовых особенностях или медицинских терминах может привести к потере точности перевода. Поэтому юридический переводчик должен уметь быстро анализировать контекст и правильно понимать смысл сказанного, а не ограничивать только буквальным переводом слов по словарю.

В условиях, когда дистанционное участие в судах становится обыденностью для представителей десятков стран, профессиональный юридический перевод остается гарантом справедливого процесса. Технологии должны рассматриваться не как замена специалисту, а как инструмент, повышающий эффективность его работы, при условии сохранения императивного контроля со стороны человека-эксперта, обладающего правовым сознанием и этической ответственностью за результат.

Таким образом, на современном этапе развития технологий использование автоматизированного перевода в судебной сфере невозможно без обязательной проверки и редактирования специалистом. Именно человеческий контроль позволяет сохранить юридический смысл текста и избежать ошибок, которые могут повлиять на справедливость судебного разбирательства.

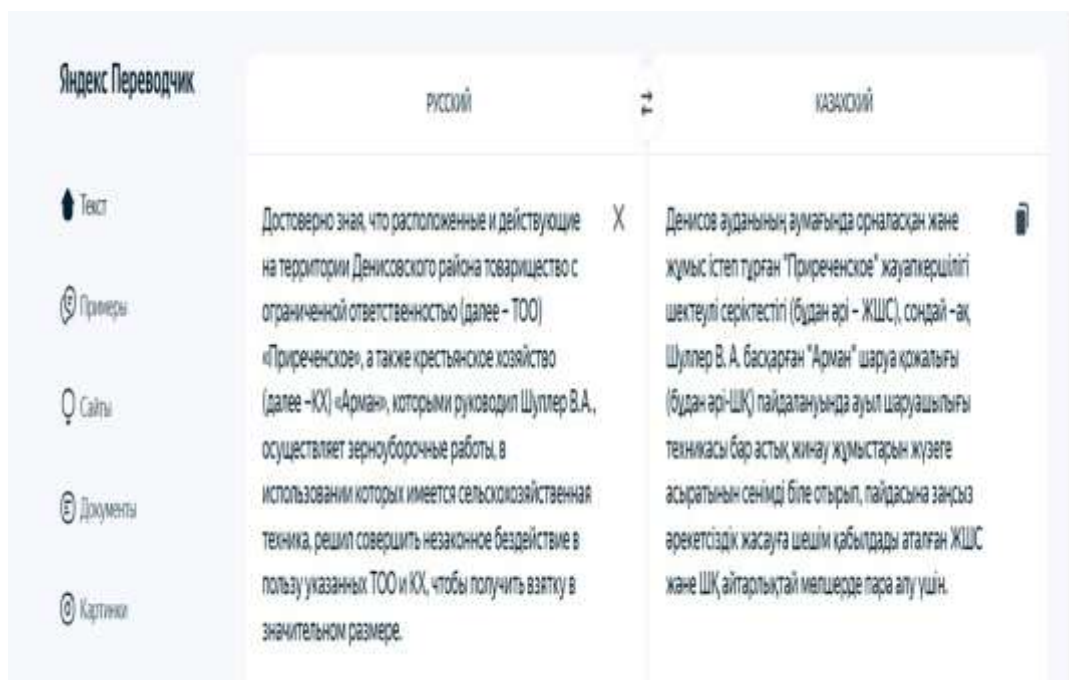

Рисунок 9 – Перевод фрагмента судебного акта по гражданскому делу (русский → казахский), выполненный Яндекс Переводчиком (по состоянию на 21 марта 2026 года).

Анализ практического применения систем машинного перевода на примере «Яндекс Переводчика» выявляет специфические риски, связанные с потерей смысловой точности в финальной части юридических конструкций. Несмотря на общую синтаксическую корректность структуры предложения, подбор глагольных форм остается наиболее уязвимым этапом автоматизированной обработки текста.

Результаты исследований показывают, что современные системы искусственного интеллекта часто упрощают юридические формулировки, заменяя специальные правовые термины более обычной лексикой. Это подтверждает необходимость обязательного контроля со стороны человека. Проверка и редактирование перевода специалистом, обладающим юридическими знаниями, позволяет исправить такие ошибки до того, как документ станет официальным. Поэтому без профессиональной доработки автоматизированный перевод судебных документов может использовать только как предварительный черновой вариант, а не как готовый документ для правоприменительной практики.

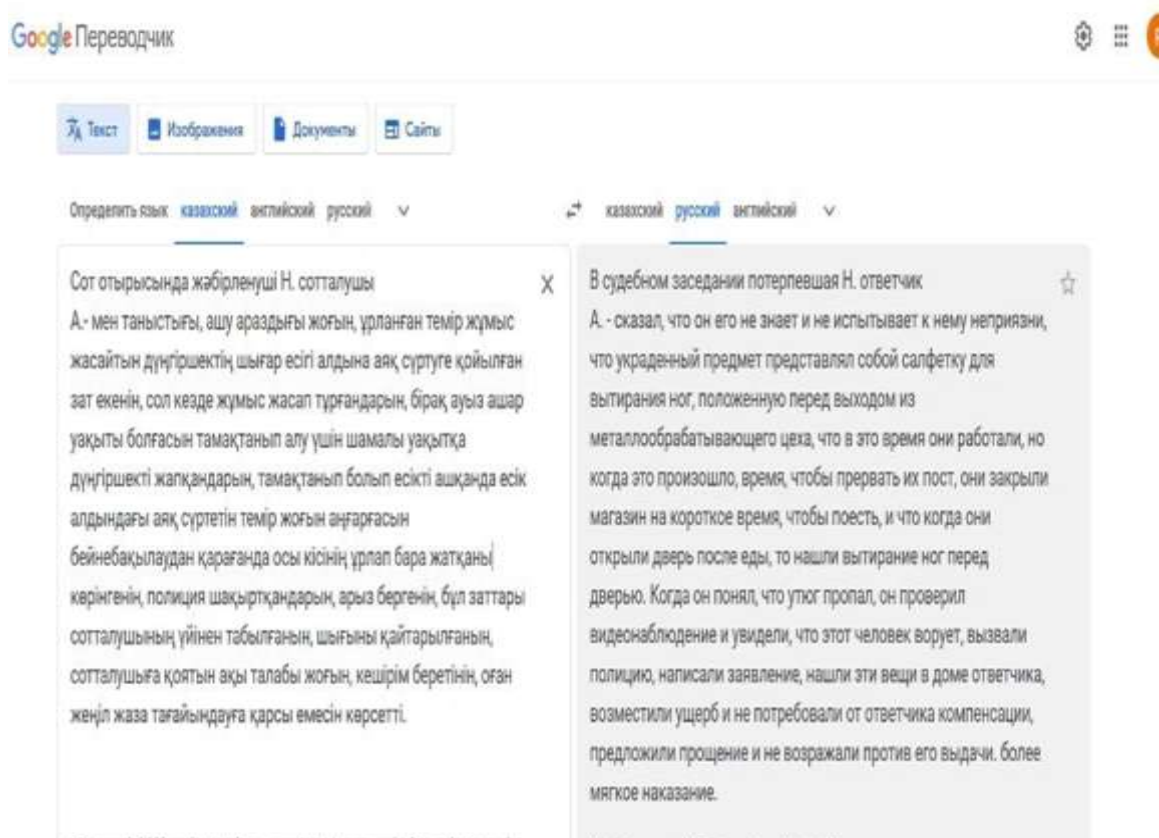

Рисунок 10 – Перевод фрагмента судебного акта по уголовному делу (казахский → русский), выполненный Гугл Переводчиком (по состоянию на 21 марта 2026 года).

Анализ практического применения сервиса Google Translate при переводе описательных фрагментов судебных актов выявляет критические дефекты, которые в теории перевода классифицируются как «галлюцинации» и смысловые инверсии. В представленном кейсе отчетливо прослеживается неспособность алгоритма удерживать контекстуальную целостность текста и соблюдать терминологическую точность, что недопустимо в рамках официального судопроизводства.

Данный пример показывает, что системы машинного перевода, основанные на статистических алгоритмах, не обладают пониманием юридического смысла и не несут ответственности за точность формулировок. В отличие от человека-переводчика, который отвечает за достоверность переданной информации, такие системы, как Google Translate, лишь подбирают наиболее вероятный вариант перевода. В условиях многозначности казахского языка это может приводить к искажению смысла и некорректным результатам.

Таким образом, выявленные ошибки подтверждают необходимость обязательного участия квалифицированного специалиста при работе с судебными документами. Автоматизированные переводческие системы могут использоваться только как вспомогательный инструмент для предварительного

понимания текста, но не подходят для подготовки официальных судебных документов без тщательной проверки каждого термина человеком.

Google Переводчик

Басты сот талқылауында сотталушы С.Р. өзіне тағылған айыпты толық мойындап, келесідей жауап берді: ол өзінің анасына тиесілі болған әйелдер киімін алып, 2023 жылы ақпан айының басында, түнгі уақытта Алматы қаласы Абай көшесі №26 көп қабатты тұрғын үйдің ауласында тұрған жәбірленуші досына тиесілі «Хюндай Элантра» маркалы автокөлігінің қасына барып қара түсті гүл суреті бар әйелдер халатын, астына ақ түсті, гүл суреттері бар ұзын әйелдер юбкасын және бетіне қара түсті медициналық бетпердені, әйелдің киімін үстіне киіп, аталған автокөліктің алдыңғы сол жақ жүргізуші есігінің терезесін сындырып, терезесі арқылы автокөліктің салонына заңсыз кіріп, автокөліктің сол жақ есігінің қаптасында тұрған жәбірленуші А.М.-ға тиесілі қара түсті ерлер амияның ішінде болған 7 000 АҚШ долларын, және 250 000 теңгесін жасырын жымқырып оқиға орнынан бой тасалаған. Аталған ақшаны өз бас пайдасына жаратқан. Істеген әрекеттеріне өкінетінін айтып, жәбірленушіден кешірім сұрап, соттан өзіне жеңіл жаза қолдануды сұраған.

На основном судебном процессе подсудимый С.Р. Он полностью признал предъявленные ему обвинения и ответил следующим образом: он взял женскую одежду, принадлежавшую его матери, и в начале февраля 2023 года ночью направился к автомобилю Hyundai Elantra, принадлежащему его другу, который находился во дворе дома. Многоэтажный жилой дом по улице Абая № 26 в Алматы. Одета в черный женский халат с цветочным узором, длинную белую женскую юбку с цветочным узором под ним и черную медицинскую маску на лице, она носила женскую одежду, сломала окно передней левой водительской двери указанного транспортного средства, незаконно проник в транспортное средство через окно, и Подозреваемый похитил 7000 долларов США и 250 000 тенге из кошелька темнокожего мужчины, принадлежащего потерпевшему А.М., который стоял в кармане двери и скрылся с места преступления. Он создал эти деньги для своей выгоды. Он выразил сожаление по поводу своих действий, извинился перед потерпевшей и попросил суд вынести ему мягкое наказание.

Рисунок 11 – Текст перевода осуществлен через «Гугл переводчик» с казахского языка на русский язык выписка из судебного акта по уголовному делу по состоянию 20 декабря 2025 года.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что современные технологии перевода дают разные результаты в юридической сфере. Обычные сервисы, такие как Google и Яндекс, в простых ситуациях работают достаточно эффективно, однако при переводе сложных текстов с большим количеством контекста они могут допускать смысловые ошибки. Системы искусственного интеллекта лучше справляются с формализованными документами, но становятся менее надежными при наличии культурных особенностей, переносных значений и устойчивых выражений. Это подтверждает, что цифровые технологии не могут полностью заменить специалиста, так как понимание правовых нюансов остается задачей человека.

Использование современных технологий в судебной системе требует строгого соблюдения этических норм. В этом контексте ориентиром служит Европейская этическая хартия, которая подчеркивает необходимость уважения прав человека и недопущений дискриминации при применении алгоритмов. Важное значение имеют качество и безопасность таких систем, а также их обязательная проверка и сертификация. Кроме того, важна прозрачность работы программ, позволяющая проводить независимую оценку их корректности, и сохранение за человеком права принимать окончательное решение, что снижает риск автоматических ошибок.

Также отмечается обеспокоенность научного сообщества тем, что чрезмерное использование автоматизации в уголовном процессе может снизить уровень правового анализа. Искусственный интеллект пока не способен

полноценно учитывать эмоциональные аспекты дела и адекватно реагировать на нестандартные ситуации. Поэтому необходимо четкое регулирование участия профессиональных переводчиков, особенно при дистанционном рассмотрении дел. Только контроль квалифицированного специалиста обеспечивает законность и точность получаемых доказательств.

Позитивным сдвигом в этом вопросе стала инициатива правительства по официальному признанию казахского жестового языка, предполагающая внедрение международно признанных стандартов дактильной азбуки и создание соответствующей нормативной базы [62].

В вопросе цифровизации правотворчества эксперты придерживаются консолидированной позиции: искусственный интеллект не обладает способностью к самостоятельному законотворчеству, так как эта сфера неразрывно связана с этическими, моральными и ценностными ориентирами человечества. ИИ может выступать исключительно в роли высокопроизводительного ассистента, работающего в тесной связке с человеком. Это справедливо и для переводческой деятельности: в условиях колоссального роста объемов информации автоматизированные системы стали незаменимым вспомогательным инструментом, однако они требуют постоянного критического контроля со стороны профессионала. Компетентность переводчика сегодня заключается не только в знании языков, но и в способности верифицировать машинный результат, выявляя скрытые ошибки и логические несоответствия.

Особое значение в судебной системе Казахстана имеет вопрос информационной безопасности. Использование открытых сервисов машинного перевода может создавать риски утечки данных и нарушения тайны судопроизводства, поскольку введенная информация способна сохраняться на сторонних сервисах. Поэтому деятельность судебного переводчика должна быть четко регламентирована и осуществляться через защищенные внутренние системы. Для повышения качества работы также важно предоставить специалистам доступ к закрытым юридическим и лингвистическим базам, чтобы они могли использовать единую утвержденную терминологию и при этом соблюдать требования защиты персональных данных и государственных интересов.

Таким образом, развитие судебного перевода предполагает сочетание технологических решений и профессиональной ответственности переводчика. В этой модели автоматизация способствует удобству и доступности процесса, а контроль специалиста обеспечивает его юридическую точность и надежность.

2.4 Перспективы совершенствования реализации принципа языка в уголовном процессе Республики Казахстан

Текущее состояние правоприменительной практики свидетельствует о том, что декларативное закрепление данного принципа в статье 30 Уголовно-

процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК РК) не в полной мере коррелирует с практическими механизмами его реализации, порождая потребность в глубокой теоретической проработке и законодательной корректировке.

Центральное место в исследовании занимает вопрос терминологической унификации и устранения концептуальных противоречий, препятствующих единообразному пониманию процессуальных норм. Выявленные в ходе анализа системные пробелы указывают на несовершенство юридической техники, что зачастую приводит к подмене сущностного содержания принципа формальным соблюдением процедур. Это требует не только точечных правок УПК РК, но и переосмысления роли языка как инструмента правосудия, обеспечивающего полноценное участие сторон в доказывании и защите своих интересов.

Комплексный подход к проблеме предполагает выход за рамки исключительно уголовно-процессуальной плоскости. Проведенный сравнительный анализ положений Закона «О языках», а также норм гражданского, административного и административно-процессуального законодательства выявил существенную асимметрию в регулировании языковых прав. Различия в подходах к участию переводчика и определению языка процесса в смежных отраслях права создают риски правовой неопределенности.

Следовательно, приоритетным вектором совершенствования законодательства должна стать межотраслевая гармонизация норм. Предлагаемые меры направлены на создание монолитной правовой базы, в которой процессуальные гарантии прав участников процесса будут согласованы с общей языковой политикой государства. Речь идет о формировании единого стандарта реализации языковых прав во всех видах судопроизводства, что позволит исключить произвольное толкование норм и обеспечит качественный уровень защиты прав и свобод граждан в суде.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что текущее состояние нормативного регулирования принципа языка судопроизводства характеризуется избыточной вариативностью и терминологической неопределенностью. Первоочередной мерой по реформированию законодательства выступает исключение из первой части статьи 30 УПК РК и Закона «О языках» отсылки к возможности ведения процесса на «других языках». Подобное уточнение направлено на четкое разграничение конституционного статуса государственного и официально употребляемого русского языков от процедурного права участников пользоваться родным языком через институт перевода. В рамках концептуального пересмотра статьи 30 УПК РК предлагается внедрение императивной нормы, гарантирующей право граждан на использование любого языка, которым они владеют свободно, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Важным аспектом совершенствования механизмов реализации принципа языка судопроизводства выступает модернизация системы организационного

обеспечения и статистического мониторинга. Действующая практика ведения судебной статистики, оперирующая обобщенной категорией «другие языки», не позволяет в полной мере оценить реальную лингвистическую потребность участников процесса. Расширение и детализация статистических показателей путем указания конкретных языков, востребованных в ходе разбирательств, создаст необходимую информационную базу для прогнозирования нагрузки на институт перевода и позволит государству принимать обоснованные решения по подготовке соответствующих специалистов.

Центральным звеном в системе обеспечения языковых прав личности в уголовном процессе является фигура переводчика, чей правовой статус на современном этапе требует существенного уточнения. Существующая в УПК РК дефиниция не учитывает возрастающую потребность в специализации и высокой квалификации лиц, вовлеченных в орбиту правосудия:

Необходимость институционализации статуса судебного переводчика подтверждается анализом международно-правовых стандартов и успешного зарубежного опыта. Являясь гарантом конституционного права на защиту и справедливое правосудие, судебный переводчик выступает связующим звеном, обеспечивающим полноценное участие в процессе лиц, не владеющих государственным или официальными языками судопроизводства. Тем не менее, фрагментарность текущего регулирования в УПК РК создает существенные преграды для эффективной реализации этой функции, порождая неопределенность в вопросах ответственности и квалификационных стандартов.

Анализ современной судебной практики Республики Казахстан свидетельствует о наличии системных дефектов в реализации принципа языка судопроизводства, которые зачастую приобретают характер неустранимых нарушений процессуального закона. Изучение конкретных прецедентов позволяет классифицировать данные нарушения как следствие приоритета ведомственных интересов и ложно понятой процессуальной «экономии» над фундаментальными правами личности.

Ярким примером игнорирования лингвистических прав участников процесса выступает дело «Ш», рассмотренное Медеуским районным судом города Алматы. В данном случае следственными органами был санкционирован переход на русский язык судопроизводства вопреки выраженному в письменной форме волеизъявлению подозреваемого о ведении процесса на государственном языке. Судебный акт констатирует недопустимость обоснования таких действий отсутствием бюджетных средств на оплату услуг переводчика или дефицитом времени в рамках сроков досудебного расследования. Подобная аргументация органов преследования прямо противоречит императивным нормам статьи 30 УПК РК, согласно которым обеспечение языковых гарантий является безусловной обязанностью государства, не подлежащей ограничению по финансовым или организационным мотивам. Более того, выявленные в ходе разбирательства факты фальсификации отметок о свободном владении

подсудимым языком процесса указывают на преднамеренное искажение волеизъявления стороны защиты.

Аналогичная деструктивная практика прослеживается в деятельности специализированного межрайонного уголовного суда Мангистауской области по делу «Б». Здесь нарушение выразилось в несвоевременном определении языка судопроизводства и фактическом лишении подсудимого возможности ознакомиться с материалами обвинения на понятном ему языке. Уклонение следствия от предоставления аутентичного перевода документов в установленные законом сроки девальвирует институт ознакомления с материалами дела, превращая его в формальную процедуру.

Особое значение отводится созданию механизмов институционального контроля и прозрачности. Обосновано законодательно закрепить создание и ведение единого Государственного реестра судебных переводчиков в Республике Казахстан в целях обеспечения права на защиту и доступа к правосудию лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства. Ведение государственного реестра уполномоченным органом позволит систематизировать сведения о квалификации специалистов и их специализации. Параллельно с этим внедрение системы мониторинга, включающей анализ случаев отвода переводчиков и сбор отзывов участников процесса, создаст условия для функционирования действенной системы оценки качества. Переход к договорным отношениям между государственными органами и сертифицированными специалистами призван окончательно закрепить профессионализацию данной сферы, минимизируя риски процессуальных ошибок и обеспечивая строгое соблюдение международных стандартов в области прав человека.

Особую практическую значимость имеет вопрос соблюдения процессуальных сроков. Анализ УПК, ГПК и КоАП РК выявил отсутствие законодательно закрепленных временных рамок для осуществления письменного перевода, что негативно сказывается на оперативности правосудия. Введение нормативных требований к срокам подготовки переводов на всех стадиях процесса - от досудебного производства до кассационного рассмотрения - необходимо для поддержания процессуальной дисциплины.

Установлено отсутствие в УПК РК норм, регламентирующих сроки письменного перевода судебных актов, что негативно отражается на реализации права на защиту и доступе к правосудию. Действующий УПК Республики Казахстан не содержит норм, регламентирующих сроки и процессуальный порядок осуществления письменного перевода судебных актов и иных процессуальных документов, что на практике приводит к ограничению реализации конституционного права на защиту, нарушению принципа равенства сторон и затруднению эффективного доступа к правосудию лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства. Отсутствие соответствующего механизма нередко влечёт формальный характер ознакомления участников процесса с

материалами дела, невозможность своевременной подготовки правовой позиции, а также риск нарушения сроков обжалования судебных актов.

В связи с этим предлагается дополнить статьи 404 и 444 УПК РК положениями, предусматривающими возможность приостановления производства по делу на определённый срок, необходимый для осуществления письменного перевода процессуальных документов, с учётом их объёма и сложности. Указанные нормы предлагается изложить следующим образом:

Статья 404 УПК РК

«Не позднее пяти суток, а при большом объеме не позднее пятнадцати суток после провозглашения приговора его копия должна быть вручена осужденному или оправданному, защитнику и обвинителю. Копия приговора вручается другим участникам процесса в тот же срок с момента поступления ходатайства.

В случае необходимости осуществления письменного перевода приговора указанные сроки могут быть продлены судом на срок, необходимый для выполнения перевода с учетом объема и сложности судебного акта».

Статья 444 УПК РК

«1. Апелляционные приговор, постановление выносятся в совещательной комнате, подписываются судьей (судьями), и после возвращения судьи (судей) из совещательной комнаты в зале заседания оглашаются вводная и резолютивная части судебного акта.

2. Копии приговора, постановления направляются сторонам не позднее десяти суток со дня их вынесения.

В случае необходимости осуществления письменного перевода апелляционного приговора или постановления указанный срок может быть продлен судом на срок, необходимый для выполнения перевода с учетом объема и сложности судебного акта.

3. Апелляционные приговор, постановление вступают в законную силу с момента их оглашения.

4. Постановления апелляционной инстанции могут быть пересмотрены в кассационном порядке».

Предлагаемые изменения направлены на обеспечение реальной, а не формальной реализации права на защиту, создание надлежащих процессуальных условий для лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства, а также приведение уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан в соответствие с международными стандартами справедливого судебного разбирательства и принципом эффективного доступа к правосудию.

Совершенствование механизма реализации принципа языка судопроизводства в Республике Казахстан требует перехода от декларативного признания языковых прав к созданию комплексной системы нормативных, институциональных и методических гарантий. Проведенное исследование и анализ дефектов правоприменительной практики, выявленных в ходе изучения уголовных дел в отношении «Ш» и «Б» и других лиц, позволяют утверждать, что

ключевым вектором реформирования должно стать внедрение стандартизированного алгоритма действий для субъектов, ведущих уголовный процесс.

В качестве центрального элемента такой реформы предлагается разработка и внедрение авторской «Памятки принципа языка уголовного судопроизводства» (Приложение 4). Данный инструмент призван систематизировать требования Уголовно-процессуального кодекса и руководящие разъяснения Верховного Суда РК в единый регламент.

Разработка и внедрение данной Памятки обосновывается как стратегическая мера, направленная на минимизацию процессуального брака и институционализацию языковых прав участников процесса. Научная новизна данного предложения заключается в создании прикладного алгоритма, который трансформирует абстрактные законодательные нормы в конкретные предписания для должностных лиц.

На основе материалов исследования и предложенной «Памятки принципа языка уголовного судопроизводства», в диссертационной работе обосновывается необходимость внедрения данного инструмента как стандартизированного руководства для органов досудебного расследования, органов прокуратуры и суда. Разработка и внедрение такой памятки рассматривается не просто как методическая рекомендация, а как действенный механизм минимизации процессуального брака и обеспечения конституционных гарантий прав граждан.

Таким образом, комплексная реализация предложенных мер - начиная с совершенствования уголовно-процессуального и языкового законодательства, нормативного закрепления необходимых дефиниций и заканчивая разработкой специализированных практических механизмов для правоприменителей - позволит сформировать целостную и внутренне согласованную систему обеспечения языковых прав участников уголовного судопроизводства. Создание такого механизма будет способствовать не только устранению существующих пробелов и противоречий правового регулирования, но и обеспечению реальной доступности правосудия для лиц, не владеющих языком судопроизводства.

Практическая реализация предложенных изменений обеспечит надлежащий уровень процессуальных гарантий, укрепит принципы равенства сторон, состязательности и права на защиту, а также минимизирует риск формального подхода к осуществлению переводческой деятельности в уголовном процессе. В конечном итоге это позволит трансформировать уголовное судопроизводство в действительно справедливый и ориентированный на соблюдение прав человека механизм правосудия, исключая любые проявления дискриминации по языковому признаку и способствующий укреплению доверия общества к национальной судебной системе и государственным институтам в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое диссертационное исследование позволяет сделать вывод о том, что принцип языка уголовного судопроизводства представляет собой один из фундаментальных элементов системы процессуальных гарантий, непосредственно обеспечивающих реализацию конституционного права на судебную защиту, справедливое судебное разбирательство и равенство всех участников уголовного процесса перед законом и судом. В условиях многоязычного государства значение данного принципа существенно возрастает, поскольку именно посредством надлежащего языкового обеспечения достигается реальная возможность лица понимать сущность предъявляемого обвинения, содержание процессуальных действий и судебных актов, полноценно пользоваться принадлежащими ему процессуальными правами и эффективно осуществлять защиту своих интересов.

В ходе исследования установлено, что современное состояние уголовно-процессуального регулирования Республики Казахстан в рассматриваемой сфере характеризуется наличием ряда системных проблем, связанных как с недостаточной нормативной определённой отдельных положений законодательства, так и с отсутствием эффективных процессуальных механизмов реализации языковых прав участников уголовного судопроизводства. Анализ международно-правовых актов, включая положения Международного пакта о гражданских и политических правах, практику Комитета ООН по правам человека, а также международные рекомендации в сфере переводческой деятельности позволил установить, что право на использование понятного языка и получение квалифицированной переводческой помощи является не факультативной процессуальной возможностью, а обязательным элементом справедливого правосудия и эффективного доступа к суду.

Исследование показало, что действующее уголовно-процессуальное и языковое законодательство Республики Казахстан сохраняет отдельные нормы, допускающие неоднозначное толкование и различную правоприменительную практику. Использование оценочных формулировок относительно применения «других языков» в уголовном судопроизводстве не обеспечивает необходимого уровня правовой определённости и в ряде случаев способно создавать препятствия для единообразной реализации языковых гарантий участников процесса. В этой связи обоснована необходимость совершенствования статьи 30 УПК Республики Казахстан и статьи 13 Закона Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» посредством нормативного закрепления положения о ведении уголовного судопроизводства на государственном языке - казахском - с официальным использованием русского языка, а также приведения отраслевого законодательства в соответствие с обновлёнными конституционными положениями.

Перспективным направлением совершенствования механизма реализации принципа языка уголовного судопроизводства является создание единого государственного реестра судебных переводчиков Республики Казахстан. Законодательное закрепление порядка формирования и ведения такого реестра, установление квалификационных требований к судебным переводчикам, а также регламентация их прав, обязанностей и ответственности позволят обеспечить участие в уголовном процессе квалифицированных специалистов, повысить качество судебного перевода, унифицировать правоприменительную практику и укрепить гарантии реализации права на защиту лиц, не владеющих языком судопроизводства.

Особое внимание в диссертации уделено исследованию процессуального статуса переводчика как самостоятельного участника уголовного судопроизводства. Установлено, что эффективность реализации принципа языка судопроизводства напрямую зависит не только от уровня нормативного регулирования, но и от качества организации переводческой деятельности на всех стадиях уголовного процесса. В этой связи проведено разграничение следственного и судебного перевода, раскрыта специфика их функционального назначения, а также выявлены существующие проблемы практической реализации права на перевод в досудебном и судебном производстве.

Важным результатом исследования стало выявление пробела в уголовно-процессуальном законодательстве, связанного с отсутствием нормативного регулирования сроков и порядка осуществления письменного перевода судебных актов и иных процессуальных документов. Установлено, что отсутствие соответствующего механизма способно приводить к формальному ознакомлению участников процесса с материалами дела, ограничению возможности своевременной подготовки правовой позиции и нарушению сроков обжалования судебных решений. В целях устранения указанного пробела предложено внесение изменений в статьи 404 и 444 УПК Республики Казахстан, предусматривающих возможность приостановления процессуальных сроков на период, объективно необходимый для выполнения письменного перевода судебных актов с учётом их объёма и сложности.

Кроме того, в работе обоснована необходимость дальнейшего институционального развития переводческой деятельности в уголовном процессе, включая совершенствование терминологической базы, развитие специализированных цифровых ресурсов и формирование единых практических рекомендаций для правоприменителей. Отмечено, что современные электронные платформы и национальные языковые корпуса обладают значительным потенциалом для унификации юридической терминологии и повышения качества юридического перевода, что приобретает особую значимость в условиях модернизации уголовного судопроизводства и цифровизации правовой системы.

В результате проведённого исследования сформулирован вывод о том, что обеспечение языковых прав участников уголовного судопроизводства не может

ограничиваться исключительно формальным предоставлением переводчика. Реализация принципа языка судопроизводства требует комплексного и системного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, развитие процессуальных механизмов, повышение качества переводческой деятельности и обеспечение единообразной правоприменительной практики.

Комплексная реализация предложенных в диссертации мер позволит сформировать целостный и эффективный механизм обеспечения языковых прав в уголовном процессе Республики Казахстан, обеспечить реальное соблюдение принципов справедливого судебного разбирательства, состязательности и равенства сторон, минимизировать риски дискриминации по языковому признаку и существенно повысить уровень доверия общества к национальной системе правосудия. Теоретические выводы и практические предложения, сформулированные в исследовании, могут быть использованы в дальнейшей научной разработке проблем уголовного процесса, в правотворческой деятельности, а также в практике органов уголовного преследования и суда при реализации принципа языка уголовного судопроизводства.

Проведённый архивный и историко-правовой анализ позволил установить, что языковые девиации, ошибки перевода и отсутствие надлежащего процессуального регулирования переводческой деятельности на различных этапах исторического развития - начиная с дореволюционного периода и заканчивая периодом политических репрессий - нередко выступали самостоятельным фактором нарушения фундаментальных прав человека, ограничивали возможность полноценной защиты и использовались как инструмент процессуального давления. Данное обстоятельство подтверждает, что проблема реализации принципа языка судопроизводства имеет не только техническое, но и глубоко правовое и правозащитное значение, непосредственно затрагивающее вопросы законности, справедливости и доверия к судебной системе.

В этой связи, внедрение предложенных изменений в уголовно-процессуальное законодательство позволят перейти от существующей модели фрагментарного регулирования к современной системе профессионального лингвистического сопровождения уголовного судопроизводства. Такая модель соответствует подходам, реализуемым в правовых системах развитых государств, включая Австралия, Франция и Польша, где судебный переводчик рассматривается не как вспомогательный технический участник процесса, а как самостоятельный высококвалифицированный субъект, обеспечивающий реализацию принципов законности, равенства сторон и права на справедливое судебное разбирательство.

Существенное практическое значение имеет и разработанная в рамках исследования «Памятка принципа языка судопроизводства», предложенная к внедрению в деятельность судов, органов прокуратуры и органов досудебного расследования. Предлагаемый инструмент ориентирован на формирование единообразного алгоритма действий правоприменителей, направленного на

предупреждение процессуальных нарушений, минимизацию рисков формального подхода к обеспечению языковых прав и повышение эффективности взаимодействия с участниками процесса, не владеющими языком судопроизводства.

Таким образом, предложенный в диссертации комплекс мер - начиная от уточнения конституционно-правовых и уголовно-процессуальных основ реализации принципа языка судопроизводства и заканчивая профессиональной подготовки и единых практических механизмов правоприменения - направлен на формирование в Республике Казахстан устойчивой модели «языковой безопасности» правосудия. Реализация данной модели позволит обеспечить соответствие национальной системы уголовного судопроизводства международным стандартам защиты прав человека, укрепить гарантии справедливого судебного разбирательства, исключить риски дискриминации по языковому признаку и существенно повысить уровень доверия общества к государственным институтам и судебной системе Республики Казахстан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Республики Казахстан, принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года // URL: Конституция Республики Казахстан - ИПС "Әділет"
2. Статистические данные о въезде иностранных граждан в Республику Казахстан за 2024-2025 гг. // Официальный ресурс Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - URL: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 24.03.2026).
3. Отчет о регистрации туристов в системе «eQonaq» за январь-май 2025 года // Информационная система миграционного учета «eQonaq» Министерства туризма и спорта Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - URL: <https://eqonaq.kz>.
4. О показателях миграции населения Республики Казахстан в 2024 году: Информационно-аналитический бюллетень // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. - Астана, 2025.
5. Итоги оперативно-служебной деятельности подразделений миграционной службы за 2024-2025 гг. // Официальный интернет-ресурс Министерства внутренних дел Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim>.
6. Статистика правонарушений, совершенных иностранными гражданами в Республике Казахстан (2023-2024 гг.) // Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. - URL: <https://qamqor.gov.kz>.
7. Анализ судебной статистики Восточно-Казахстанской области по делам с участием иностранных граждан за 2022-2024 гг. // Официальный ресурс Верховного Суда Республики Казахстан / Судебный кабинет [Электронный ресурс]. - URL: <https://sud.gov.kz>.
8. Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий / Под общ. ред. И.И. Рогова. - Астана: Министерство юстиции Республики Казахстан, Конституционный Совет Республики Казахстан, Фонд Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, 2018. - 640 с.
9. О языках в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». - URL: <https://adilet.zan.kz>.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». - URL: <https://adilet.zan.kz>.
11. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2016 года № 13 О некоторых вопросах применения принципа языка судопроизводства //

Электронный ресурс – URL: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2016 года № 13 «О некоторых вопросах применения принципа языка судопроизводства» (с изменениями по состоянию на 13.12.2024 г.).

12. Проблемы применения языка судопроизводства в уголовном процессе Республики Казахстан: Аналитический обзор судебной практики и законодательства / под ред. А. Б. Скакова. - Алматы: Жеті жарғы, 2023. - 112 с.

13. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». - URL: <https://adilet.zan.kz>.

14. Выступление Главы государства К.К. Токаева на XXXIII сессии Ассамблеи народа Казахстана «Единство. Созидание. Прогресс» от 25 апреля 2024 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан «Akorda.kz» [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.akorda.kz>.

15. Материалы мониторинга соблюдения прав граждан с особыми потребностями в правоохранительной и судебной сферах: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан. - Астана, 2025. - 84 с.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Р.С.Ф.С.Р. (принят ВЦИК 15.02.1923, действовал с 01.07.1923; текст по состоянию на 1922 г. при подготовке проекта) // Собрание узаконений РСФСР. - 1923. - № 7. - ст. 106.

17. Постановление судебной коллегии по уголовным делам суда города Астаны по делу № 7199-21-00-1 от 2021 года // Информационная система «Төрелік» Верховного Суда Республики Казахстан.

18. Постановление судебной коллегии по уголовным делам Восточно-Казахстанского областного суда по делу в отношении гражданина Ж. (ст. 345 ч. 3 УК РК) от 2023 года // Информационная система «Төрелік» Верховного Суда Республики Казахстан.

19. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) // Электронный ресурс – URL: Гражданский кодекс РК (Общая часть) на 2026 | PRG. (Параграф).

20. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V; Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». - URL: <https://adilet.zan.kz>.

21. Узбекулы, С. История государства и права Республики Казахстан (с древнейших времен до современности) / С. Узбекулы, Г. С. Сапарғалиев. - Алматы: Жеті жарғы, 2024. - 432 с.

22. Ахметжанова З. К. Функционирование казахского и русского языков в Казахстане: социолингвистический аспект. - Алматы: Гылым, 1990. - 240 с.

23. Положение об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 года; Положение об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской от 25 марта 1891 года // Полное собрание законов Российской империи. - Т. VI. - № 3814.

24. Уямо, Томокихо. История и внешняя политика Казахстана в японских исследованиях / Т. Уямо // Вестник КазНУ. Серия историческая. - 2021. - № 3 (102). - С. 15-24.

25. Дулатов, М. Шығармалары (Произведения): в 5 т. - Алматы: Жазушы, 2004. - Т. 2: Мақалалар, көсемсөздер.

26. Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях: законодательство и практика (Сборник нормативных актов XIX – начала XX вв.). - Ташкент, 1903.

27. Нурпеисов, Т. Жазықсыз жабылған жала (Клевета на невиновных) / Т. Нурпеисов // Казахстанская правда. - 1998. - 28 ноября.

28. Дело А. Уркимбаева и Д. Кудабаева (сентябрь 1906 г.) // Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). - Ф. 64 (Канцелярия Степного генерал-губернатора). - Оп. 1. - Д. 245.

29. Судебный процесс П. Тажкенуглы и Б. Сұлтануглы (Самара, 1915 г.) // Из истории лингвистического обеспечения правосудия в Степном крае: сборник архивных документов / под ред. С. Ф. Ударцева. - Алматы, 2018. - С. 89-94.

30. Материалы по лингвистическому обеспечению судебных процессов (1879–1965 гг.) // Государственный архив Алматинской области. - Ф. 408 (Семиреченское областное правление). - Оп. 1. - Д. 112, 456; Ф. 1150 (Народные суды Алматинской области). - Оп. 1. - Д. 69.

31. Уголовное дело № 69 в отношении И., Д., К. и Б. (1932 г.) по закону от 7 августа 1932 года («Закон о колосках») // Государственный архив Алматинской области. - Ф. 1150. - Оп. 1. - Д. 69. - Л. 12-45 (Протоколы допросов и обвинительные заключения).

32. Дела о расторжении брака за 1920 год // Государственный архив Республики Татарстан. - Ф. Р-1150 (Народный суд Казанско-Богородского судебного района). - Оп. 1. - Св. 1. - Д. 12-18.

33. Уголовное дело по обвинению Б., К. Б., Т. Т. и У. в убийстве Д. К. (1921 г.) // Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). - Ф. 348 (Семиреченский областной революционный трибунал). - Оп. 1. - Д. 764. - Л. 15-60

34. О порядке возмещения расходов и выплаты вознаграждения свидетелям, потерпевшим, экспертам, специалистам и переводчикам: Постановление Кабинета Министров Республики Казахстан от 25 февраля 1992 года № 152.

35. Об утверждении Правил выплаты вознаграждения и возмещения расходов, понесенных свидетелями, потерпевшими, экспертами, специалистами, переводчиками и понятыми: Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 1998 года № 1209.

36. Об утверждении Правил оказания платных видов деятельности по реализации товаров (работ, услуг) государственными учреждениями в сфере развития языков: Постановление Правительства Республики Казахстан от 14 февраля 2013 года № 131.

37. Об утверждении Правил возмещения расходов, понесенных свидетелями, потерпевшими, их законными представителями, экспертами, специалистами, переводчиками, понятыми: Постановление Правительства Республики Казахстан от 9 октября 2014 года № 1070.

38. О внесении изменений и дополнений в некоторые решения Правительства Республики Казахстан (по вопросам возмещения расходов в гражданском судопроизводстве): Постановление Правительства Республики Казахстан от 25 июля 2024 года № 601.

39. Амиров, Д. С. Мемлекеттік тіл - сот төрелігінің тірегі (Государственный язык – опора правосудия) / Д. С. Амиров // Юридическая газета. - 2024. - № 12 (345). - 15 февраля.

40. Об утверждении Концепции развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023 – 2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 октября 2023 года № 911 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». - URL: <https://adilet.zan.kz>.

41. Степанова В.В. Институционализация судебного перевода в уголовном судопроизводстве: европейская практика и российские перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. URL: https://journals.rudn.ru/law/article/view/35037/ru_RU.

42. Vancouver Community College. Court Interpreter Certificate Program // Vancouver Community College : официальный сайт. URL: Vancouver Community College (дата обращения: 25.05.2026).

43. The Asahi Shimbun. Court: Chinese defendant not responsible for interpreter fees // The Asahi Shimbun. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15415229> (дата обращения: 25.05.2026).

44. Kotobank. 法廷通訳人 (Court interpreter) // Kotobank : online encyclopedia. URL: <https://kotobank.jp/word/法廷通訳人-890869> (дата обращения: 25.05.2026).

45. Republic of Türkiye. *Criminal Procedure Code (Ceza Muhakemesi Kanunu)* No. 5271 // Official Gazette. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5271.pdf> (дата обращения: 25.05.2026).

46. Шарипова, А. Б. Принцип языка судопроизводства в уголовном процессе Республики Казахстан: теория и практика реализации / А. Б. Шарипова // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. - 2024. - № 2 (77). - С. 45-52.

47. Международный опыт организации института судебного перевода: сравнительно-правовой анализ / под ред. И. В. Левина. - М.: Международные

отношения, 2025. - 312 с. (Включает детальный разбор систем NAATI в Австралии и traductor–interprète jurado в Испании).

48. Мониторинг миграционных процессов в Республике Казахстан за 2024 – первый квартал 2026 гг.: Аналитический доклад Министерства труда и социальной защиты населения РК совместно с МВД РК. - Астана, 2026. - 65 с.

49. О разрешениях и уведомлениях: Закон Республики Казахстан от 16 мая 2014 года № 202-V // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». - URL: <https://adilet.zan.kz>.

50. Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) от 25 декабря 2017 года № 120-VI (раздел «Специальные налоговые режимы для субъектов малого бизнеса»).

51. Информационное письмо Бюро переводов «Елім-ай» (г. Астана) № 03/25-исх от 12 февраля 2025 года в ответ на исследовательский запрос Д. С. Рахимбердиевой «О статистике процессуальных переводов за 2024–2025 гг.». - 4 л.

52. Результаты авторского социологического опроса адвокатов и юристов г. Астаны «Языковой барьер в судебной системе РК» (январь–февраль 2025 г.). Выборка: 51 респондент. Эмпирические данные исследования Д. С. Рахимбердиевой.

53. Ахметшина, Ю. В. Профессиональные компетенции судебного переводчика в условиях междисциплинарности / Ю. В. Ахметшина // Вестник юридического университета. - 2024. - № 4. - С. 112-118.

54. Об утверждении межотраслевых типовых норм времени на переводческие работы (с государственного языка на русский язык и с русского языка на государственный язык) // Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G24G0000331> (дата обращения: 25.05.2026).

55. Аналитический отчет о состоянии инклюзии и доступе к жестовому языку в Республике Казахстан. - Астана: Институт демографии и социальной политики, 2025. - 42 с.

56. Рекомендация ЮНЕСКО «О юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков»: принята в г. Найроби 22 ноября 1976 г. // UNESCO Legal Affairs. URL: Recommendation on the Legal Protection of Translators and Translations and the Practical Means to improve the Status of Translators - Legal Affairs (дата обращения: 25.05.2026).

57. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединённых Наций. URL: Статья 14. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) | ГАРАНТ (дата обращения: 25.05.2026).

58. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗПК // URL: КОАП РК 2026, Кодекс об

административных правонарушениях | PRG. (Параграф) (дата обращения: 25.05.2026).

59. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 25.05.2026).

60. Об адвокатской деятельности и юридической помощи: Закон РК от 5 июля 2018 года № 176-VI; О судебно-экспертной деятельности: Закон РК от 10 февраля 2017 года № 44-VI; О медиации: Закон РК от 28 января 2011 года № 407-IV.

61. Национальная терминологическая база Termincom.kz [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://termincom.kz> (дата обращения: 25.05.2026). Национальный корпус казахского языка Qazcorpus [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://qazcorpus.kz> (дата обращения: 25.05.2026).

62. Дорожная карта по развитию и поддержке казахского жестового языка на 2024–2027 годы: утверждена Постановлением Правительства РК от 12 декабря 2023 года.

Приложение 1

«УДЕРКАО»
Доктор Высшей школы права
Международного университета Астана
Р.Д. Мухометовский профессор
Мухометовский Н.
2025 год

Акт
о внедрении результатов исследования

на тему: «Принципы клякса уголовного судопроизводства: современное состояние и перспективы развития»

наименования Академии правоохранительных органов при
Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
Мухометовской Айгизы Бауржановны

Комиссия в составе:
председателя 1) Известность доктора Международного университета Астана,
к.ю.н. Соловьев Ж.Д.

и членов комиссии 2) доктор Высшей школы права Международного
университета Астана, к.ю.н. Жамбаев Е.С.
3) профессор Высшей школы права Международного
университета Астана, к.ю.н. Иманбаев С.М.

Составлен настоящий акт о том, что предложения и выводы, разработанные
Мухометовской Айгизой Бауржановной в рамках диссертационного исследования на
тему «Принципы клякса уголовного судопроизводства: современное состояние и
перспективы развития», изложенные в Главе II проекта диссертационной работы,
внесены в Программу (Syllabus) и в виде новых теоретических разделов в лекции и
семинары учебной дисциплины «Уголовно-процессуальное право Республики
Казахстан» на 2025-2026 учебный год Высшей школы права.

Примечание (если оно необходимо, было принято)

Эффект внедрения: Эффективность результатов диссертационной работы
Мухометовской Айгизы Бауржановны, апробированных в учебном процессе, предлагается
к использованию при подготовке и карьерировании программы (Syllabus) дисциплины
«Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан» на второй семестр 2025-
2026 учебного года. Теоретические положения, выводы и практические
рекомендации исследования внедрены в учебный процесс Высшей школы права и
подлежат включению в виде семинаров и практических занятий по
соответствующей теме. На основе проведенного исследования: а) разработаны и
применены практические задания, алгоритмы правоприменительных действий и
выявлены новые, направления на анализ реализации принципа клякса уголовного
судопроизводства, а также выявлены проблемы его практического обеспечения; б) по
результатам анализа уголовно-процессуального законодательства и
правоприменительной практики обоснованы предложения о доопределении Уголовно-

применения клякса Республики Казахстан статьи 30-1 «Принципы клякса уголовного судопроизводства, закрепленной статус переводчика как участника уголовного процесса, требования к его сертификации, обязанности, ответственность и обязательную функцию процесса перевода, что позволит устранить проблемы и повысить уровень правоохранительной деятельности; в) определены основные направления развития учебного процесса и анализа правоприменительной практики при изучении принципа клякса уголовного судопроизводства, с акцентом на углубление процессуальных связей клякса обеспечения участия в уголовном процессе и включение проблемных вопросов уголовно-процессуального регулирования в виде семинаров и практических занятий.

Дата внедрения: «...» 2025 года.

Представитель: 1) Соловьев Ж.Д.

Члены комиссии: 2) Жамбаев Е.С.

3) Иманбаев С.М.

Приложение 2

«УТВЕРЖДАЮ» Начальник Управления по надзору за законностью применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства Службы по надзору за законностью досудебного расследования и уголовного преследования Генеральной прокуратуры Республики Казахстан Михаилов Е.К. «___» _____ 2026 года н.п. Акт внедрения результатов исследования на тему: «Принципы языка уголовного судопроизводства: современное состояние и перспективы развития» магистранта Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан Махатаевой Айгалин Баурайыновны Комиссия в составе: <table border="0"> <tr> <td style="padding-right: 10px;">председатели</td> <td>1) Старший помощник Генерального Прокурора Уәсенов Берік Нарыжаулы,</td> </tr> <tr> <td>и членов комиссии</td> <td>2) Помощник Генерального Прокурора Мусин Арай Қайратович,</td> </tr> <tr> <td></td> <td>3) Старший прокурор Управления Қуандық Абай Нұржаулы.</td> </tr> </table> Составлен настоящий акт о том, что ряд положений и выводов, разработанных Махатаевой А.Б. в рамках диссертационного исследования на тему: «Принципы языка уголовного судопроизводства: современное состояние и перспективы развития», в качестве пилотного проекта в виде Памятки принципов языка уголовного судопроизводства внедрены в практическую деятельность в период со 2 февраля по 28 февраля. Внедрение данного инструмента способствует формированию единых подходов в правоприменительной практике, минимизации рисков нарушения принципов языка уголовного судопроизводства и предотвращению признания доказательств недопустимыми. Памятка направлена на повышение качества процессуальных решений и укрепление гарантий права на защиту и соответствии с требованиями Конституции Республики Казахстан и уголовно-процессуального законодательства.	председатели	1) Старший помощник Генерального Прокурора Уәсенов Берік Нарыжаулы,	и членов комиссии	2) Помощник Генерального Прокурора Мусин Арай Қайратович,		3) Старший прокурор Управления Қуандық Абай Нұржаулы.	2 Данная Памятка рекомендована Управлением для практического применения в деятельности органов досудебного расследования и уголовного преследования, прокуратуры и судов. Дата внедрения: «___» февраля 2026 года. Председатель: 1) Уәсенов Б.Н. (подпись) Члены комиссии: 2) Мусин А.Р. (подпись) 3) Қуандық А.Б.
председатели	1) Старший помощник Генерального Прокурора Уәсенов Берік Нарыжаулы,						
и членов комиссии	2) Помощник Генерального Прокурора Мусин Арай Қайратович,						
	3) Старший прокурор Управления Қуандық Абай Нұржаулы.						

Приложение 3

проект

ПОЛОЖЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕЕСТРЕ СУДЕБНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

1. Общие положения

1. Настоящее Положение определяет правовые и организационные основы создания, ведения и использования Государственного реестра судебных переводчиков Республики Казахстан (далее-Реестр).
2. Реестр является государственной информационной системой, содержащей сведения о лицах, имеющих право осуществлять перевод в уголовном судопроизводстве.
3. Основной целью создания Реестра является:
 - обеспечение права на защиту и доступа к правосудию лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства;
 - повышение качества судебного перевода;
 - обеспечение единых требований к судебным переводчикам.
4. Реестр ведётся на принципах:
 - законности;
 - достоверности информации;
 - прозрачности (в пределах, не нарушающих защиту персональных данных);
 - равного доступа к включению в Реестр.

2. Уполномоченный орган

5. Ведение Реестра осуществляется уполномоченным государственным органом в сфере юстиции (далее-Уполномоченный орган).
6. Уполномоченный орган:
 - формирует и ведёт Реестр;
 - утверждает порядок включения, приостановления и исключения;
 - проводит проверку кандидатов;
 - обеспечивает техническое функционирование Реестра;
 - контролирует деятельность судебных переводчиков.

3. Требования к судебным переводчикам

7. В Реестр включаются лица, соответствующие следующим требованиям:

- наличие высшего или среднего специального образования;
- подтверждённое владение соответствующими языками;
- знание юридической терминологии;
- отсутствие судимости за умышленные преступления;
- прохождение квалификационного тестирования (при необходимости).

8. Дополнительно могут устанавливаться:

- стаж работы;
- прохождение обучения/сертификации.

4. Порядок включения в Реестр

9. Для включения в Реестр кандидат подаёт:

- заявление;
- документы об образовании;
- документы, подтверждающие языковую компетенцию;
- резюме/сведения об опыте;
- справку о несудимости.

10. Уполномоченный орган:

- рассматривает заявление в срок до 15 рабочих дней;
- проводит проверку сведений;
- при необходимости организует тестирование.

11. По результатам принимается решение:

- о включении в Реестр;
- об отказе (с указанием причин).

5. Порядок ведения Реестра

12. Реестр ведётся в электронной форме.

13. В Реестр включаются следующие сведения:

- ФИО переводчика;
- языки перевода;
- уровень квалификации;
- регион деятельности;
- статус (активен / приостановлен / исключён).

14. Доступ к Реестру:

- полный-для судов и органов уголовного преследования;
- ограниченный-для иных лиц (без персональных данных).

6. Привлечение судебных переводчиков

15. Привлечение переводчиков в уголовном процессе осуществляется преимущественно из числа лиц, включённых в Реестр.

16. Привлечение вне Реестра допускается только в исключительных случаях:

- отсутствие нужного языка;
- срочность;
- иные объективные обстоятельства.

7. Права и обязанности переводчика

17. Судебный переводчик имеет право:

- на оплату труда;
- на отказ от участия при наличии конфликта интересов;
- на получение необходимых материалов для перевода.

18. Судебный переводчик обязан:

- осуществлять точный и полный перевод;
- соблюдать конфиденциальность;
- являться по вызову;
- соблюдать нормы профессиональной этики.

8. Ответственность

19. Судебный переводчик несёт ответственность:

- за заведомо неправильный перевод;
- за разглашение информации;
- за ненадлежащее исполнение обязанностей.

20. Меры ответственности:

- предупреждение;
- временное приостановление;
- исключение из Реестра;
- привлечение к административной или уголовной ответственности.

9. Приостановление и исключение из Реестра

21. Основания для приостановления:

- временная недееспособность;
- жалобы на качество перевода;
- нарушение обязанностей.

22. Основания для исключения:

- установление факта недостоверного перевода;
- судимость;
- систематические нарушения;
- личное заявление.

10. Защита персональных данных

23. Обработка данных осуществляется в соответствии с законодательством о персональных данных.

24. Доступ к персональным данным ограничивается и предоставляется только уполномоченным субъектам.

11. Финансирование

25. Финансирование Реестра осуществляется за счёт государственного бюджета.

26. Оплата услуг переводчиков производится в установленном законом порядке.

12. Заключительные положения

27. Настоящее Положение подлежит утверждению нормативным правовым актом.

28. Изменения и дополнения вносятся Уполномоченным органом в установленном порядке.

Приложение 4

ПАМЯТКА принципа языка уголовного судопроизводства

Настоящая Памятка предназначена для систематизации подходов к соблюдению ст. 30 УПК РК с учетом положений Нормативного постановления Верховного Суда РК № 13 «О некоторых вопросах применения принципа языка судопроизводства» от 22 декабря 2016 года и Нормативного постановления Верховного Суда №4 «О судебном приговоре» от 20 апреля 2018 года.

Данный инструмент обобщает основные положения реализации принципа языка уголовного судопроизводства и направлена на обеспечение точности и полноты перевода, защиту прав участников процесса, а также предупреждение процессуальных нарушений, влекущих отмену судебных актов в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 436 УПК РК.

Памятка предназначена для следующих лиц:

- 1) дознаватель (ст.63 УПК);
- 2) следователь (ст.60 УПК);
- 3) прокурор (ст.58 УПК);
- 4) судья (ст. 23 УПК).

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Принцип языка уголовного судопроизводства – фундаментальная гарантия обеспечения защиты прав и свобод участников уголовного процесса в Республике Казахстан (ст.ст. 9, 30 УПК).

В Республике Казахстан государственным является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык (ст.7 Конституции).

Уголовное судопроизводство ведется на казахском языке, наравне с казахским официально в судопроизводстве употребляется русский язык, а при необходимости и другие языки (ч.1 ст.30 УПК).

Виды перевода:

- Письменный;
- Устный;
- Жестовой язык для лиц, имеющих инвалидность по слуху (ч.3 ст.30 УПК).

II. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Переводчик - не заинтересованное в деле лицо, владеющее языком, знание которого необходимо для перевода, и привлеченное для участия в следственных и судебных действиях в случаях, когда подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники либо потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, а также свидетели и

иные участники процесса не владеют языком, на котором ведется производство по делу, а равно для перевода письменных документов.

Права переводчика:

- 1) задавать присутствующим при осуществлении перевода лицам вопросы для уточнения перевода;
- 2) знакомиться с протоколом следственного или иного процессуального действия, в производстве которого он участвовал, а также в соответствующей части с протоколом судебного заседания и делать подлежащие занесению в протокол замечания относительно полноты и правильности перевода;
- 3) отказаться от участия в производстве по делу, если он не обладает знаниями, необходимыми для перевода;
- 4) приносить жалобы на действия органа, ведущего уголовный процесс;
- 5) получать возмещение расходов, понесенных им в связи с участием в производстве следственных и иных процессуальных действий, и вознаграждение за выполненную работу, если участие в производстве по делу не входит в круг его должностных обязанностей;
- 6) заявлять ходатайство о принятии мер безопасности.

Обязанности переводчика:

- 1) явиться по вызову органа, ведущего уголовный процесс;
- 2) выполнить точно и полно порученный ему перевод;
- 3) удостоверить правильность перевода своей подписью в протоколе следственного действия, произведенного с его участием, а также в процессуальных документах, вручаемых участникам процесса в переводе на их родной язык или язык, которым они владеют;
- 4) не разглашать сведения об обстоятельствах дела или иные данные, ставшие ему известными в связи с привлечением в качестве переводчика;
- 5) соблюдать порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания (ст.81 УПК).

III. ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ, ТРЕБОВАНИЯ И ОТВОД

О назначении лица переводчиком орган, ведущий уголовный процесс, выносит постановление (ч.2 ст.81 УПК).

Переводчик не может участвовать в производстве по уголовному делу:

- 1) при наличии любого из обстоятельств, предусмотренных статьями 87 УПК РК;
- 2) если обнаружилась их некомпетентность.

При этом, предыдущее участие лица в качестве переводчика не является обстоятельством, исключающим их дальнейшее участие в соответствующем качестве в производстве по данному уголовному делу.

Вопрос об отводе переводчика и специалиста разрешает орган, ведущий уголовный процесс (ст. 92 УПК).

В подготовительной части к главному судебному разбирательству (далее-ГСП) председательствующий разъясняет явившимся сторонам,

свидетелям, эксперту, специалисту их право заявить отвод переводчику и разъясняет предусмотренные законом основания, влекущие отвод переводчика. Заявленный отвод суд разрешает по правилам, установленным статьей 86 УПК РК. Если отвод переводчику удовлетворен, суд приглашает другого переводчика, в отношении которого в таком же порядке рассматривается вопрос об отводе (ст.353 УПК).

IV. ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА

В соответствии с ч.5 ст. 30 УПК в обязательном порядке должен быть обеспечен письменный перевод документов, подлежащих вручению участникам процесса.

К документам, которые в соответствии с УПК должны быть вручены на досудебной стадии подозреваемому, обвиняемому, относятся: копия постановления суда о санкционировании содержания под стражей в качестве меры пресечения (ч.10 ст.148 УПК); копия постановления о признании лица подозреваемым (ч.2 ст.202 УПК); копия протокола обыска или выемки (ч.4 ст.256 УПК); копия постановления о прекращении досудебного расследования (ст.288 УПК); обвинительный акт (ст.304 УПК) и другие процессуальные документы, вручение которых прямо предусмотрено УПК.

Подсудимому, осужденному, оправданному должны быть вручены: постановление о прекращении уголовного дела (ст.327 УПК); копия постановления судьи об изменении подсудимому меры пресечения или изменении списка лиц, подлежащих вызову в суд, новая формулировка обвинения, если прокурором в суде изменено обвинение (ст.329 УПК); копия приговора (ст.404 УПК); копия апелляционной (частной) жалобы и протеста (ч.2 ст.420 УПК) и др.

В целях соблюдения режима секретности оригинал и перевод документов, в которых содержатся сведения, составляющие государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, вручаются участникам уголовного процесса только для ознакомления. Снятие копии запрещено. По окончании ознакомления оригинал и перевод таких документов хранятся в материалах дела в отдельном закрытом конверте (пакете) с учетом требований законодательства о государственных секретах Республики Казахстан (п.7-1 Нормативного постановления Верховного Суда РК № 13 «О некоторых вопросах применения принципа языка судопроизводства» от 22 декабря 2016 года).

V. ГАРАНТИИ И КОНТРОЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

За отказ или уклонение от явки или от выполнения своих обязанностей без уважительных причин на переводчика может быть наложено денежное взыскание в порядке, предусмотренном статьей 160 УПК РК. В случае

заведомо неправильного перевода переводчик несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 420 УК РК (ч.5 ст.81 УПК).

Приговор излагается на языке судопроизводства, в ясных, понятных выражениях, без излишних повторов тождественных по смыслу фраз и громоздких предложений. Приговор излагается последовательно с тем, чтобы каждое новое положение вытекало из предыдущего и было логически связано с ним. Недопустимо описание событий, не относящихся к рассматриваемому делу, употребление неточных формулировок, принятых сокращений, слов и выражений, неприемлемых в официальных документах. Показания участников процесса приводятся от третьего лица и должны содержать изложение только тех сведений, которые касаются рассматриваемого дела. При этом необходимо отражать номер файла, время допроса указанного лица в случае фиксирования судебного заседания средствами аудио-, видеозаписи (п.4 Нормативного постановления Верховного Суда №4 «О судебном приговоре» от 20 апреля 2018 года).

Несоблюдение требований законодательства о языке судопроизводства является существенным нарушением процессуального закона и влечет отмену вынесенных судебных актов.

В случае установления нарушения языка судопроизводства на стадии разрешения вопроса о принятии дела к производству суда, суд в соответствии с требованиями статьи 323 УПК возвращает дело прокурору для устранения нарушений (п.13 Нормативного постановления Верховного Суда РК № 13 «О некоторых вопросах применения принципа языка судопроизводства» от 22 декабря 2016 года).

Заключение

Данная Памятка отражает практический подход к реализации принципа языка уголовного судопроизводства и ориентирована на содействие соблюдению прав участников процесса. Ее положения направлены на укрепление гарантий права на защиту в соответствии с требованиями Конституции Республики Казахстан и уголовно-процессуального законодательства.

Соблюдение данных рекомендаций обеспечивает право каждого участника процесса на использование родного языка, что является залогом справедливого судебного разбирательства и предотвращает процессуальные нарушения.